

Виктор Алеветдинов

НЕБЕСНЫЙ ТРИБУНАЛ

ПЕЧАТИ НЕБЕСНОЙ КРОВИ

КНИГА 9

18+

ЮРИДИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Виктор Алеветдинов

Небесный трибунал. Печати Небесной крови. Книга 9

<https://litres.ru/74200912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если суд способен признать человека умершим — а затем отменить всех, кого он спас?

Небесный трибунал объявляет Глеба Воронца «пустым сосудом», присвоившим чужое имя. Восемь решений, разрушивших принудительные печати, становятся уликами, а спасённые люди начинают исчезать из реестров и памяти. До исполнения приговора — девять судебных суток.

Защищать Глеба должна Ли Шэньюэ, мастерица печатей с повреждённой рукой. Но повестка написана её будущим почерком, а суд предлагает ей место среди тех, кто определяет, кого считать человеком. Частное исключение спасёт Глеба и сохранит систему. Борьба за всех может разрушить порядок, удерживающий мир.

Сможет ли Ли поставить под суд сам закон, не превратив свободу в новую катастрофу?

«Небесный трибунал» — юридическое фэнтези и судебный боевик о памяти, свободе и праве человека на собственное имя.

Содержание

Часть I. Обвиняемый, которого нет	4
Глава 1. Повестка её рукой	4
Глава 2. Арест пустого сосуда	15
Глава 3. Дверь без обратной стороны	26
Глава 4. Свидетель собственного имени	37
Глава 5. Девять пустых кресел	47
Глава 6. Люди за чертой	57
Глава 7. Цена побега	68
Глава 8. Первое возражение	79
Часть II. Свидетели прежних книг	89
Глава 9. Лиса под присягой	89
Глава 10. Камера официальной памяти	99
Глава 11. Кузнец мира	110
Глава 12. Башня без хозяина	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Виктор Алеветдинов

Небесный трибунал. Печати Небесной крови. Книга 9

Часть I. Обвиняемый, которого нет

Глава 1. Повестка её рукой

Ли Шэньюэ вывела на бумаге знак «лекарство» и зачеркнула его. Левая кисть слушалась лучше, чем месяц назад, но всё ещё тянула черту с лишним нажимом. На белом листе получился знак, похожий на человека, который нёс кувшин и уже жалел, что взялся помогать.

За окном лекарского покоя кашлянул ребёнок, и со двора отозвался колокольчик карантинного шкафа. Второй звон оборвал утреннюю тишину.

Ли отложила кисть, когда колокольчик звякнул при закрытых створках. По медной полосе над замком побежали серые пятна: защитная печать выталкивала имя лекаря из строки выдачи.

— Не открывайте, — сказала Ли.

Старый лекарь вставил ключ в скважину. Он убрал руку,

но нахмурился.

— У мальчика снова жар.

— Если открыть сейчас, порошок уйдёт прежнему владельцу.

Глеб придерживал меховой полог у двери.

— Владельцу он ещё нужен?

— Он умер три недели назад, — ответил лекарь.

— Печать может посчитать иначе, — сказала Ли.

Она вышла во двор. Мороз сразу стянул кожу на щеках. Под навесом ждали трое больных, закутанных в одеяла. Караульный у ворот грел ладони над жаровней и делал вид, что не прислушивается.

На дверце шкафа проступила новая строка. Иероглифы были мелкими, но правило читалось ясно: всё лекарство, принятое от царской лаборатории, оставалось собственностью служивших ей людей. Если владелец умер, право переходило к его телу.

После разрушения Печати Царской Крови такие записи должны были потерять силу. Вместо этого они начали искать умерших.

Печать признавала лекарство лишь после того, как владелец называл себя и сам открывал шкаф.

Ли потребовала книгу прихода. Лекарь принёс толстую тетрадь и попросил не писать в ней кровью. Глеб отвернулся к жаровне, скрывая улыбку.

Она перелистала книгу до последней записи. Порошок по-

ступил от военного лазарета вместе с именной биркой умершего солдата. Ли поставила рядом чашу, велела лекарю называть себя новым хранителем и записала передачу до открытия шкафа.

— Теперь ключ.

— Печать не разрешила.

— Она обязана следовать записи.

Лекарь вставил ключ. Серые пятна собрались вокруг его имени, задержались и ушли вниз, к строке передачи. Колокольчик замолчал. Створка открылась.

Изнутри пахло камфорой. Пакет с порошком лежал на месте.

— Берите. И выдайте мальчику, пока печать не решила, что больной тоже государственная собственность.

Лекарь выхватил пакет и поспешил под навес.

Ли закрыла книгу. Пальцы левой руки не разжались. Кисть онемела от запястья до ногтей.

Глеб подошёл ближе.

— Покажи.

— Пройдёт.

— В прошлый раз прошло к вечеру.

Он осторожно разжал её пальцы. Ли не чувствовала прикосновения. Правая рука лежала у груди в перевязи и не помогала.

— Сбой такой же? — спросил Глеб.

— Мёртвому снова отдают право на живое тело.

— Мы сломали главную печать.

— Малые правила остались в книгах и приказах.

— Начальству удобно.

— Потому и берегут.

У ворот стукнули три раза. Караульный открыл окошко, выслушал пришедшего и обернулся.

— Госпожа Ли, к вам судебный посыльный.

На дворе стало тише. Больные продолжали дышать, लेकर шуршал бумагой под навесом, но каждый звук словно отступил от ворот.

Посыльный вошёл без поклона. На нём был серый халат без знака ведомства. Снег на плечах не таял, хотя от жаровни шёл жар. Лицо выглядело обычным: узкие глаза, впалые щёки, шрам у подбородка. Неправильным было другое. Он не оставлял следов на снегу.

В руках он держал белый лист.

— Ли Шэньюэ, — произнёс посыльный. — Примите повестку.

— Назовите суд и себя.

— Суд указан в документе. Моё имя не требуется.

— Для живого посыльного требуется.

— Я не заявлен живым.

Глеб опустил руку к поясу.

— И мёртвым тоже?

— Нет.

— Удобная служба.

Посыльный протянул лист Ли.

— Повестку признаёт правая рука адресата.

Ли не двинулась.

— Правая рука повреждена.

— Это учтено автором решения.

— Решение уже принято?

— Оно допустимо.

Ответы были точными и потому ничего не объясняли. Ли велела караульному принести чистую чашу. Посыльный не возразил, когда она положила повестку на каменный стол и вылила на неё воду.

Бумага промокла. Чернила расплылись, образовав чёрное пятно. Через несколько вдохов вода стекла на камень, а лист стал белым и сухим. Даже загнутый угол расправился.

Ли взяла щипцы и поднесла край к жаровне. Пламя лизнуло бумагу. Кромка почернела, свернулась, затем выпрямилась. Запаха гари не осталось.

— Теперь нефрит, — сказала она.

Глеб достал из дорожного ящика пластину и подал ей. На её поверхности сохранялись следы прежних проверок. Ли прижала пластину к повестке левой ладонью.

Нефрит похолодел. На нём появилась одна строка:

«Документ возвращён в состояние, признанное получателем».

— Я его не признала.

— Поэтому он возвращается, — ответил посыльный.

— Если разорвать?

— Части вернуться.

— А если съесть? — спросил Глеб.

— После признания можете уничтожить документ, — сказал посыльный. — Обязанность сохранится.

— Значит, до признания она ещё не возникла, — сказала Ли.

Посыльный ничего не ответил.

Она снова посмотрела на лист. Белая поверхность казалась пустой, но под верхним слоем бумаги чувствовался нажим. Ли провела ногтем левой руки по вдавленным линиям. Первый знак начинался с обратного крюка. Так писала она сама после ранения, когда пыталась заставить правые пальцы удержать писчую кисть. Та выпадала, и знак приходилось доворачивать всей ладонью.

Ли наклонилась ближе.

По ошибкам она узнала работу повреждённой руки. В начале кисть давила сильнее обычного, затем уходила вправо и теряла нажим под большим пальцем.

Правая рука дёрнулась в перевязи.

Судорога прошла от запястья к пальцам. Мизинец согнулся первым, затем указательный. Ли прикусила щёку и дождалась, пока боль ослабнет. За месяцы лечения пальцы ни разу не двигались вместе. Теперь их заставил чужой документ, написанный её будущим движением.

— Рука узнала движение, — сказала Ли.

— Твоё?

— Да. Но сейчас я так написать не могу.

— Хорошее начало для судебной бумаги.

Ли сняла нефритовую пластину. На повестке проступили знаки. Сначала едва заметные, затем чёрные. Документ показывал не один текст, а восемь заголовков, расположенных один под другим.

На листе по очереди проступили названия восьми прежних дел — от монастыря до Чёрного Неба.

Названия были сокращены до судебных обозначений. Рядом стояли номера дел. Над ними возник круг с девятью пустыми делениями.

— Девять ударов до исполнения, — сказала Ли.

Ниже появилось имя обвиняемого. Первые два знака Ли прочла сразу. Дальше пришлось перечитать, чтобы поверить.

— Глеб Воронеж. Объект разбирательства. «Пустой сосуд, присвоивший человеческое имя и непрерывность личности».

Глеб помолчал.

— Ремесло забыли. Бумага составлена небрежно.

Он говорил спокойно, но пальцы лежали на рукояти меча. Ли знала: так он удерживал себя от бесполезного движения.

Текст продолжал раскрываться. Ли была названа защитником. Следующая строка отзывалась болью в правой руке. «Автор допустимого решения».

Ниже, под складкой бумаги, проступал ещё один знак: судья.

Ли накрыла его левой ладонью.

— Что там? — спросил Глеб.

— Решение зависит от меня, — сказала она.

Это была правда, но не вся.

— Тогда не будем помогать им его принимать.

Глеб подошёл к воротам и посмотрел на улицу. Над крышами поднимался дым. До закрытия городских ворот оставалось несколько часов.

— Уйдём северным выездом. До вечера будем за стеной.

— Сначала узнаем, кому отправлены копии. Дело касается восьми решений.

Глеб вернулся к столу.

— Ты уже видишь цену?

— Пока только направление.

— Говори всё, что видишь.

— Я говорю.

Он посмотрел на ладонь, которой она закрывала нижнюю строку.

— Всё.

Ли убрала руку. Знак судьи стал чётким.

— Они предлагают тебе место? — спросил Глеб.

— Документ допускает это.

— Каждую цену называй до решения. Даже если решишь, что я стану мешать.

Ли хотела ответить, что иногда промедление убивает быстрее ошибки. Эта фраза уже слишком часто оправдывала её молчание.

— Согласна.

— И я скажу, если найду способ заплатить один.

— Вот это обещание звучит подозрительно.

Посыльный всё это время ждал у стола. Теперь он перевернул повестку. На обороте появились три узкие полосы с именами.

Ли узнала их. Солдаты из царской лаборатории, которым вернули право отказаться от приказа. Один находился у Амура, второй ушёл с обозом на запад, третий оставался в северном гарнизоне.

— Копии направлены им?

— Последствиям решения.

— Это люди.

— В реестре — следствия.

На воротах звякнули именные бирки. Караульный обернулся. Три дощечки, висевшие рядом с пропусками лекарей, почернели по краям. На них хранились имена солдат, допущенных к лечению после распада царского приказа.

Первое имя погасло.

Лекарь раскрыл прямо на снегу книгу выписанных больных. Строка напротив имени солдата побледнела.

— Запись была, — сказал он. — Теперь не могу прочесть, чья.

Погасло второе имя.

Глеб шагнул к посыльному.

— Останови, — сказал Глеб.

— Отказ передаёт исполнение связанным лицам.

Третья бирка начала темнеть.

Ли сняла перевязь с правой руки. Кожа от запястья до пальцев оставалась бледной, ногти почти не двигались. Она положила ладонь на повестку.

Боль пришла сразу. Пальцы свело, будто в суставы вогнали холодные иглы. Бумага прилипла к коже. Под ладонью проступил текст, написанный её нажимом.

«Вызов признан защитником. Исполнение приостановлено до девятого удара».

Третье имя удержалось. Первые два вернулись не сразу. Сначала на бирках появились края знаков, затем фамилии и личные имена. Лекарь вслух прочёл каждую строку, пока буквы не закрепились.

Ладонь не отрывалась от повестки ещё один вдох. В бумаге раскрылся холодный проход — не через двор и не через город, а прямо к имени Глеба.

Она отдёргнула ладонь. Правая кисть упала на стол и перестала слушаться.

Посыльный взял повестку.

— Явка назначена.

— Где находится Трибунал? — спросила Ли.

— Там, где признают обвиняемого.

— Ваш суд только что объявил, что его нет, — сказал Глеб.

Посыльный повернулся к нему.

— Поэтому путь уже открыт.

За воротами прозвонил колокол. Звук прошёл по улице и вернулся во двор. Из соседнего архива донёсся крик писца: в городских книгах пропала одна фамилия. Караульный схватил подворный реестр. На раскрытой странице исчезло слово «Воронец», оставив имя Глеба без рода. Через несколько вдохов знаки вернулись в остальных записях, но эта строка осталась пустой.

Над Северной столицей первый удар начал отсчитывать девять судебных суток.

Глава 2. Арест пустого сосуда

Колокол ещё гудел над крышами, когда Глеб вывел Ли с лекарского двора. У ворот она закрепила правую руку в перевязи. Пальцы не двигались, но кожа под бинтом подрагивала в такт звону.

— До знакомого караула три улицы, — сказал Глеб. — Там есть десятник, который помнит нас без помощи городских книг.

— Пока помнит.

— Поэтому пойдём быстрее.

Ли не спорила, и это насторожило сильнее повестки.

На рынке знали о пропавших фамилиях. Торговцы снимали именные дощечки и прятали под одежду. У рыбного ряда писец видел товар и деньги, но не находил в книге имени хозяйки. Люди толкались у мостов, стараясь пройти в административный квартал до закрытия ворот.

Глеб держался ближе к Ли. В толпе её руку могли задеть, а суд любил превращать случайность в правило.

У входа на мост висели пропускные дощечки. Караульный проверял их по одной и возвращал владельцам. Когда Глеб подошёл ближе, первая дощечка перевернулась сама. На её обратной стороне появилось другое название улицы:

Судебный коридор обвиняемого.

Следующая дощечка изменилась так же. Затем ещё одна.

Караульный прочёл надпись и поднял копьё поперёк прохода.

— Мост закрыт.

— Для кого? — спросил Глеб.

— Для обвиняемого и сопровождающих его лиц.

— Имя обвиняемого назовёшь?

Караульный посмотрел на дощечку. Лицо у него стало растерянным.

— Здесь должно быть записано.

— Но не записано?

— Коридор уже назначен. Этого достаточно.

Ли подошла к стойке, не касаясь дощечек.

— Название улицы не может заменить сторону дела. Покажите основание.

— Госпожа, я не судейский писец.

— Тогда не исполняйте судейское действие.

Караульный поморщился.

— Я и не исполняю. Мост сам закрылся.

— Мосту повезло, — сказал Глеб. — Ему не придётся отвечать.

Несколько человек рядом усмехнулись. Караульный хотел возразить, но в конце моста появились трое в серых халатах. Их лица скрывали бумажные личины из сложенных ордеров. Строки сходились на лбу, печать закрывала рот.

Толпа раздвигалась перед ними.

Ли сказала тихо:

— Не бей их оружием.

— Это совет или правило?

— Пока совет.

Имя Глеба появилось на шести дощечках, но фамилии разошлись. Три записи смешались с именами незнакомых людей.

Мужчина у рыбного ряда вдруг повернулся к Глебу.

— Ты зачем мою дощечку взял?

Она висела у него на шее.

— Не брал.

— Там моё имя было.

— И осталось, — сказала Ли. — Не снимайте её.

Мужчина схватился за шнурок. На дереве проступило: «Глеб Воронеж, обвиняемый». Он отшатнулся и едва не сбил мальчика с корзиной.

Толпа загудела. Люди начали срывать пропуска, но надписи переходили на соседние дощечки.

— Они не ищут нас, — сказала Ли. — Они делают улицу частью ареста.

Глеб заметил телегу с капустой. Возница полез под ось поправить клин. Глеб ухватил лошадь под уздцы.

— Телега нужна.

Возница высунулся из-под колеса.

— Она мне тоже нужна.

Глеб бросил ему серебряную монету.

— Теперь нужна чуть меньше.

Он развернул лошадь поперёк мостового въезда. Колёса упёрлись в столбы, капуста посыпалась на снег. Телега отделила приставов от толпы.

— Ли, к караулу через нижний переулок.

— Он уже стал частью коридора.

— Тогда найди место, которое ещё не умеет судить.

Первый пристав положил ладонь на борт телеги. На доске возникла строка: «Преграда обвиняемого признаётся его телом». Дерево дёрнулось. Глеб почувствовал удар в плечо, хотя пристав ещё не двигался.

Понятно. Суд принял телегу за продолжение обвиняемого.

Глеб толкнул Ли за каменный столб прежде, чем пристав пробил борт ладонью. Доска треснула. Боль прошла левое плечо, пальцы на миг ослабли.

— Теперь это правило, — сказала Ли.

— Уже заметил.

Приставы перелезли через телегу. Глеб вытащил короткий меч, но держал остриё вниз. Средний пристав шагнул первым. Бумажная личина повернулась к ближайшему мужчине с чужой фамилией на пропуске.

Глеб врезал приставу рукоятью в висок.

Мужчина в толпе вскрикнул и упал. На его виске вспухла кровь.

Сам пристав не пошатнулся.

— Удар переносится по имени, — сказала Ли.

Глеб отступил.

Пристав направился к ней. Ли вынула нефритовую пластину левой рукой и провела краем перед собой. На снегу появилась короткая черта.

— Лицо, не назвавшее себя, не пересекает границу свидетеля.

Пристав остановился. Бумага на его маске зашуршала, складывая новое условие. На лбу проступило имя: Глеб.

Черта пропустила его.

— Изобретательно, — сказал Глеб.

— Он присвоил имя только для прохода.

— Мне от этого легче.

Глеб убрал меч в ножны и перехватил пристава за запястье. Рванул на себя, развернул и толкнул в телегу. Тот ударился спиной, но никто в толпе не упал. Значит, переносились только раны, нанесённые оружием или прямым ударом.

Второй пристав схватил Глеба за ворот. Глеб нырнул под руку, прижал локоть к борту и вывернул сустав. Бумажная личина дрогнула, однако не порвалась. Пристав опустил на колено.

Третий пошёл к Ли.

Глеб выдернул верёвку из тележного борта и бросил конец караульному.

— Держи!

— Я не участвую в судебном аресте!

— Ты участвуешь в удержании лошади. Она пока не обвинена.

Караульный схватил верёвку скорее из страха за мост. Глеб обвёл петлю вокруг ног третьего пристава и дёрнул. Тот упал, скользнул по снегу и снёс стойку с пропусками. Дощечки рассыпались.

Каждая упавшая дощечка приняла имя ближайшего человека. Люди закричали и бросились назад.

— Не поднимайте их! — приказала Ли. — Запись ищет руку владельца.

Мальчик с корзиной не успел отойти. Одна дощечка ударилась у его сапога. Он наклонился.

Глеб рванул верёвку и перехватил мальчика за ворот прежде, чем тот коснулся дерева.

— Мама велела не терять пропуск, — выдохнул мальчик.

— Сегодня потерять его полезнее.

— Она не поверит.

— Скажи, взрослый дядя запретил.

— Она спросит, какой.

Глеб подтолкнул его к толпе.

— Не называй имя. Так будет убедительнее.

Средний пристав поднялся. Он вытащил из рукава железную линейку и коснулся ею бумаги на лице. Строки перестроились. Теперь на личине стояло имя мальчика.

Глеб понял движение поздно. Пристав ударил линейкой по собственному предплечью. На руке мальчика открылась

ровная рана.

Ли побледнела.

— Он переносит не только имя. Он назначает носителя.

— Тогда снимем бумагу.

Глеб бросился на пристава и получил линейкой под рёбра. Внутри хрустнуло, однако он удержал руку противника и сбил его на ступени моста.

Боль не ушла к другому человеку. Пристав бил телом, а не приказом.

Глеб прижал его запястье коленом и схватил край личины. Тёплая бумага прилипла к пальцам, под верхним слоем двигались строки.

— Ли!

Она была рядом. Нефритовая пластина вошла под край маски. Ли дёрнула левой рукой, но бумага удержалась.

— На ней регистрационная полоса, — сказала она. — Нужен разрыв по шву.

— Покажи.

Ли коснулась ногтем узкой линии у виска. Глеб ухватил бумагу с двух сторон и рванул. Личина раскрылась, но лицо под ней не появилось. За бумагой была ещё одна сложенная страница.

Пристав боднул его. Глеб откинулся. Боль под рёбрами обострилась, дыхание сбилось.

Ли выхватила из разрыва узкую полосу. Бумажная личина сразу закрылась и повернулась к ней.

— Отдай регистрационную запись, — произнёс пристав.
Голос шёл не изо рта, а из складок бумаги.

— Назовите основание ареста, — потребовала Ли.

— Пустой сосуд присвоил имя живого человека.

— Когда?

— До первого признанного действия.

Глеб поднялся, держась за телегу.

— Скажи проще.

— Вы признаны умершим до совершения действий, представленных защитой.

Ли развернула полосу. На ней были дата и несколько строк старой записи. Она поднесла бумагу к Глебу.

Он прочёл число дважды. В тот год Глеб ещё служил в дружине, а до изгнания оставалось больше года. Он получал жалованье и ругался с оружейником, но бумага считала его мёртвым.

— Подделка? — спросил Глеб.

— Нет, — сказала Ли. — Слой старше свежего ордера.

— Значит, они судят не то, что мы сделали.

— Они судят, имел ли ты право это делать.

Приставы повернули головы. Бумага на лицах зашелестела.

— Обвиняемый не имел признанной личности, — произнёс средний. — Все действия пустого сосуда подлежат проверке как присвоенные.

Глеб посмотрел на людей за телегой. Одни ещё помнили

его, другие глядели мимо. Дощечки принимали всё новые имена.

Отбиться означало оставить суду весь рынок.

— Внутрь можно попасть только с вами? — спросил он.

— Добровольная явка допускается.

— И записи перестанут переходить на других?

— После принятия обруча обвиняемого.

Ли шагнула к нему.

— Мы не знаем, что обруч сделает.

— Уже знаем, что делает отказ.

— Есть другой путь.

— Ты его видишь?

Она задержала ответ. Этого хватило.

Средний пристав поднял железную линейку. На ближайшей дощечке проступило имя мальчика. Он стоял у матери и прижимал к руке окровавленный рукав.

Пристав провёл линейкой по строке. Имя мальчика исчезло с его собственного пропуска. Вместо него появилось: «Глеб Воронеж».

Мать встряхнула сына.

— Как тебя зовут?

Мальчик открыл рот и заплакал. Имя не прозвучало.

Глеб шагнул вперёд.

— Верни ему запись.

— Примите обруч.

— Сначала верни.

— Передача завершается после признания обвиняемого.
Ли встала рядом.

— Решение твоё, — сказала она. — Но обруч может лишить тебя права отказаться дальше.

Глеб посмотрел на неё.

— Ты принимаешь это решение?

— Нет. Ты принимаешь. Я буду оспаривать последствия.

— Хороший ответ.

— Мне он тоже не нравится.

Глеб снял перевязь с ножен и протянул короткий меч Ли.

— Не отдавай им.

Пристав вытянул ладонь.

— Оружие обвиняемого подлежит изъятию.

— Тогда придётся догнать.

Глеб бросил меч через край моста. Ножны ударились о лёд канала и ушли в тёмную воду у свай.

Пристав не двинулся. Из рукава среднего вышел железный обруч. Он был простой, без замка, с узкой полосой письма внутри.

Глеб взял его обеими руками. Металл оказался тёплым.

— Назовите себя, — сказал пристав.

— Глеб Воронец.

На пропуске мальчика дрогнули знаки.

— Признайте процессуальное имя.

— Я признаю только своё.

— Этого достаточно для явки.

Глеб надел обруч на левое запястье.

Железо сжалось. Боль прошла по руке и остановилась у плеча. На дощечке мальчика вернулось его имя. Он выговорил его сквозь слёзы, и мать прижала его к себе.

В тот же миг лица людей вокруг изменились.

Караульный посмотрел на Глеба без узнавания. Возница нахмурился, пытаясь вспомнить, кому продал капусту. Раненый мужчина больше не видел в нём виновника.

Ли смотрела прямо.

— Глеб Воронеж, — сказала она громко. — Бывший дружинник. Мой спутник и обвиняемый Небесного трибунала.

Двор перестал расплываться. Свидетель удержал различие.

— Я здесь, — ответил он.

Приставы разошлись, открывая путь к Ступеням счёта. Верёвка всё ещё лежала поперёк снега. Один конец держал караульный, другой был привязан к разбитой телеге. Люди не решались переступить через неё, пока Ли не подняла верёвку ногой и не освободила проход.

Глеб пошёл первым. Сломанное ребро отзывалось на каждом вдохе. На третьей ступени он повернул запястье и увидел внутреннюю строку обруча.

Запись была короткой:

«Смерть подтверждена родом Ли».

Глава 3. Дверь без обратной стороны

Ступени счёта закончились у стены без окон. Снег не залетал за открытую дверь, а в глубине длинного зала горели вечерние лампы. Ли остановилась: четверть часа назад над городом стояло утро, теперь за дверью синели сумерки.

Глеб заметил перемену и посмотрел на небо над улицей.

— Снаружи ещё день.

— В Зале считают не время, а срок, — ответила Ли.

Железный обруч на его запястье сжался. Глеб поморщился, но не отступил. Сломанное ребро мешало дышать, а короткий меч остался в канале. Выглядел он спокойнее, чем был.

У порога ждал привратник в чёрной шапке. Его лицо оставалось открытым, зато рот пересекала красная черта, нанесённая прямо на кожу.

Привратник потребовал назвать три роли. Ли сначала заставила его назвать учреждение и правовое основание Зала Небесной канцелярии.

Вместо основания он указал на дверь: вошедший получал возможность спорить, но без обещания успеха.

— Зато чиновник честный, — тихо сказал Глеб.

Порог сначала потребовал назвать автора правила. Затем

он открыл строки для носителя цены и свидетеля; без них печать не принимала дело.

— Правило сформулировала Небесная канцелярия, — сказала Ли.

Первая строка заполнилась.

— Цену назначили Глебу Воронцу.

Имя возникло во второй строке. Обруч на его руке нагрелся.

— Я свидетельствую, что вызов получен и последствия уже действуют.

Третья строка приняла её имя.

Дверь не открылась шире. На камне появилась четвёртая полоса. Она была пустой, но уходила под стену, будто продолжалась в другом помещении.

Для завершения входа привратник потребовал назвать выгодоприобретателя, хотя эта обязанность лежала на создателе правила.

Ли провела левой рукой над четвёртой полосой. Холодный след уходил к центру Зала, но не связывался с именем: решение должно было укрепить чьё-то право управлять последствиями.

Она назвала выгодой Канцелярии власть над признанной версией. Полоса дрогнула, но не заполнилась.

Привратник признал ответ неполным. Сам он не имел доступа к имени владельца, однако продолжал требовать завершённую формулу от Ли.

Глеб прислонился плечом к каменному косяку.

— Можно просто не входить.

Обруч на его руке стянулся. На ступенях позади них проступили имена людей с рынка.

Ли посмотрела на привратника.

— Отметьте спор о скрытом выгодоприобретателе.

— Привратник не вправе менять форму допуска.

Из глубины зала раздался голос:

— Вправе главный регистратор.

По каменному полу приближался мужчина в тёмно-синем халате. Он шёл без свиты, но писцы у стен сразу встали. На поясе мужчины висела узкая счётная дощечка. В каждой прорези лежала чёрная косточка.

Ли узнала его по описаниям в закрытых записях клана.

Шэнь Цан остановился в нескольких шагах от порога.

— Ли Шэньюэ, — сказал он. — Ваш род всегда замечал отсутствующую строку раньше остальных.

— И часто сам её оставлял.

Шэнь не стал возражать.

— Дело допускается с отметкой о споре. Выгодоприобретатель будет установлен в ходе слушаний.

Привратник провёл ногтем по четвёртой полосе. На камне возник знак незавершённости, после чего дверь пропустила их.

Ли переступила порог первой. Под подошвой щёлкнула печать, и боль вошла в правую руку. Пальцы под перевязью

согнулись сами. Она удержала лицо спокойным и прошла дальше.

Глеб оказался рядом.

— Снова рука?

— Порог узнал клан.

— Рад за него.

— Он считает меня наследницей.

— А тебя спрашивали?

— Здесь это считают лишней формальностью.

Глеб оглянулся. Дверь оставалась открытой, за ней был виден зимний день. Он ничего не сказал, но Ли поняла, что путь назад он запомнил.

Вдоль приёмного яруса тянулся стол с нишами для писцов. Чернильниц не было: знаки сами переходили с дощечек на бумагу, когда писец прикладывал ладонь.

Ли подошла к первой нише.

— Регистрируюсь защитником Глеба Воронца и требую копию обвинения.

Писец указал на обруч: объекту защитник не полагался, а роль из повестки ещё не давала статуса.

На дощечке появились две записи: «наследница клана Ли» и «предполагаемый соавтор действующего порядка».

— Уберите вторую и завершите регистрацию.

— Запись внесена не мной. Возражать против неё может только сторона.

— Вы не даёте мне статус стороны, пока я не возражу, но

возражать может только сторона?

Писец подтвердил эту замкнутую процедуру.

Глеб наклонился к Ли.

— Здесь тебе понравится. У них каждая дверь ведёт к столу, а каждый стол — к другой двери.

— Не мешай мне наслаждаться.

Шэнь Цан стоял у соседней ниши и наблюдал.

— Госпожа Ли, — сказал он. — Ваш клан участвовал в создании основ Канцелярии. Зал обязан учитывать это.

— Тогда Зал обязан учитывать и уничтожение моего клана.

— Уничтожение не отменяет авторства.

— А авторство не подтверждает согласие наследника.

Шэнь коснулся счётной дощечки. Одна косточка сместилась.

— Возражение принято. До решения о соавторстве вы получаете временный статус защитника.

Писец провёл ладонью по столу. Перед Ли появилась медная бирка. Она взяла её левой рукой. Правая отозвалась болью, хотя металл её не касался.

— Теперь копию обвинения, — сказала Ли.

Писец вытащил первый свиток. Он был небольшим, однако при ударе о стол дерево под ним скрипнуло.

— Дело о Печати Чёрного Неба.

Ли подняла свиток. Весил он как дорожный котёл.

Второй оказался тяжелее, и столешница прогнулась.

— Дело о законности Нефритовой печати.

Третий свиток ударил о дерево так, что из щели посыпалась пыль. Боль в правой руке поднялась к локтю.

Ли не стала спрашивать, почему бумага имеет такой вес. Она развернула край первого свитка. Внутри были не только обвинения. Между строк двигались имена людей, чья жизнь изменилась после решений Глеба и Ли.

Писец принёс четвёртый.

— На стол больше не клади, — сказал Глеб. — Он уже признал свою вину.

Писец посмотрел на столешницу, затем поставил свиток на пол.

Ли получила все восемь. Каждый следующий тянул сильнее предыдущего. Последний пришлось переносить вдвоём с Глебом. Когда свиток лёг у стены, правую кисть Ли свело. Ногти впились в ладонь, и под бинтом выступила кровь.

Глеб заметил.

— Хватит.

— Копии уже выданы.

— Рука считает иначе.

— Каждая печать клана Ли признаёт меня соавтором. Боль подтверждает связь.

— Боль вообще многое подтверждает. Обычно то, что надо остановиться.

Ли села на край скамьи. Глеб развязал верхний слой бинта, не спрашивая, и осмотрел ладонь. Кожа не разошлась, но

пальцы онемели.

— Мне нужно вернуться наружу, — сказала она. — Чэнь Мэй и Боро не знают, куда нас увели.

— Я пойду.

— Тебя удерживает обруч.

— Проверим.

— Уже проверили на рынке. Достаточно людей получили раны.

Глеб затянул бинт.

— Тогда вместе.

К ним подошёл пристав с бумажной личиной.

— Обвиняемый остаётся у линии стражи до регистрации слушания.

— Он сдался добровольно, — сказала Ли. — Это не лишает его права передвигаться.

— Его статус не завершён.

— Здесь всё незавершённое почему-то умеет запрещать.

Шэнь Цан услышал и подошёл ближе.

— Вы можете выйти, госпожа Ли. Защитник ещё не принял дело полностью.

— А Глеб?

— Обвиняемый останется.

Ли посмотрела на него.

— Я вернусь через четверть часа.

— Снаружи ещё утро, — сказал Глеб. — Здесь уже вечер. Возьми поправку на чиновничье время.

— Я сообщу Чэнь Мэй адрес и приведу свидетелей.

— Сначала проверь порог. Потом решай.

Она кивнула. Он не требовал остаться и не предлагал заплатить вместо всех. Только назвал риск.

Ли подошла к двери. За ней уже не было Ступеней счёта.

Открывался лекарский двор из царской лаборатории. Снег там был серым от золы. У карантинного шкафа стоял мальчик, которого они спасли после разрушения Печати Царской Крови. Ли помнила его имя, хотя видела ребёнка всего дважды.

На бирке у его груди знак имени начал бледнеть.

Ли поставила ногу на порог.

Мальчик повернулся к лекарю.

— Я... — сказал он и замолчал.

Первая черта имени исчезла. Лекарь взял его за плечи, но лицо ребёнка переставало что-либо означать для записей двора. Карантинная книга закрылась сама.

Ли убрала ногу.

Имя вернулось не сразу. Мальчик судорожно вдохнул и назвал себя. Лекарь повторил за ним, удерживая запись голосом.

Ли закрыла дверь.

Приёмный ярус отрезал зимний двор. За створкой не было ни улицы, ни света.

— Что ты увидела? — спросил Глеб.

Она вернулась к нему.

— Порог переносит цену. Если я выйду, это будет считаться отказом от защиты. Сначала отменится право ребёнка на лечение.

— Только ребёнка?

— Я увидела первого адресата. Остальные могут ждать дальше.

Глеб опустил взгляд на обруч.

— Значит, дверь открыта.

— Формально.

— И мы остаёмся по собственному решению.

Ли не стала смягчать ответ.

— Да. Но после выхода вернуться к тем же последствиям мы можем не успеть.

— Хорошо, что сказала до решения.

— Я обещала.

Он посмотрел ей в лицо, проверяя, не скрыла ли она часть увиденного.

— Выхода без цены нет?

— Я его пока не нашла.

— Тогда остаёмся.

— Это опасно.

— Ты хотела, чтобы я решал сам.

— Хотела.

— Вот и не отбирай решение, когда оно тебе не нравится.

Справедливый упрёк раздражал сильнее обычного.

— Мы остаёмся, — сказала она. — Но требуем отсрочку

для всех связанных людей.

Шэнь Цан ждал у дальнего конца стола. Когда они подошли, он передал писцу дощечку с девятью прорезями.

— Я требую приостановить исполнение, — сказала Ли. — Не только в отношении обвиняемого. Все люди, связанные с восемью решениями, должны сохранить нынешний статус до завершения процесса.

— Основание?

— Я признала вызов как свидетель. Без сохранения последствий свидетельство превращается в принуждение.

— Признание вызова не даёт права остановить Мандаты.

— Тогда зачем вы требовали свидетеля?

— Чтобы решение имело действительность.

— Свидетель, которому не дают сохранить предмет спора, подтверждает только власть суда.

Шэнь провёл пальцем по первой прорези.

— Девять судебных суток.

В дощечке появилась белая косточка.

— Этого мало, — сказала Ли.

— После девятого удара приговор исполняется без нового слушания.

— Сколько дел будет рассмотрено?

— Восемь. По одному каждое утро. Девятый день отдан решению.

— Свидетели находятся в разных землях.

— Расстояние не отменяет срок.

— Зато срок может отменить свидетелей.

— Именно поэтому Канцелярия вызывает их заранее.

Ли вспомнила безымянного посыльного и не поверила в заботу учреждения.

— До прибытия живых свидетелей слушание не начинается.

Шэнь посмотрел на неё без насмешки.

— Начинается. Предварительное заседание назначено на этот вечер.

— У нас нет ни одного человека, кроме обвиняемого.

— Обвиняемый пока не признан человеком.

Глеб шагнул к столу, но Ли удержала его левой рукой.

— Тогда кого вы собираетесь слушать?

— Документы, родовую запись и сам Зал.

Шэнь передвинул вторую косточку. В глубине приёмного яруса открылась внутренняя дверь. За ней зажглись лампы, а писцы начали уносить свитки один за другим.

— Предварительное заседание начнётся до прибытия любого живого свидетеля, — сказал Шэнь Цан.

Глава 4. Свидетель собственного имени

Малый зал оказался теснее лекарского двора, но воздух в нём давил сильнее. За высокими окнами стояла ночь, хотя у входа в Небесный трибунал ещё лежал дневной снег. Три регистратора сидели за одним столом, а позади них темнели пустые места коллегии.

При каждом вдохе сломанное ребро напоминало о рынке. Глеб сел боком, чтобы железная кромка не давила на больное место. Пристав заметил это и передвинул стул обратно к отмеченной черте. Даже посадка здесь считалась частью порядка, а удобство в протокол не входило. Суд не причинял лишней боли, но и не замечал уже причинённой.

Глеба посадили отдельно, за стол с железной кромкой. На столешнице лежала дощечка с тремя делениями: имя, память и кровь. Ли встала справа. Медная бирка защитника потемнела по краю, но сохраняла силу. Шэнь Цан занял место напротив, пристав в бумажной личине остался у двери.

Старший регистратор объявил, что Зал проверит способность объекта участвовать в собственной защите.

— Объект дошёл сюда сам, — сказал Глеб. — Для начала неплохо.

— Движение тела не подтверждает личность.

— У вас половина здания действует без тела. Его пока не судят.

Регистратор не ответил. Перед Глебом появилась чистая дощечка, и первая проверка началась с имени.

— Глеб Воронеж.

Знаки легли на дерево, но последняя черта фамилии дрогнула и исчезла. Реестр потребовал родовую цепь. Глеб назвал отца, после чего строка запросила имя деда. Его он не знал.

— Место рода? — спросил регистратор.

— Русские земли.

— Недостаточно.

— Они большие. За один ответ не помещаются.

На соседней дощечке возникло: «Лицо без подтверждённого рода». Ли потребовала уточнить, проверяется имя или происхождение. Регистратор ответил, что одно подтверждается другим. Тогда она спросила, перестаёт ли быть человеком тот, чей родовой архив сгорел. В ответ прозвучало: такого подтверждают свидетели рода либо государственная запись.

— А если род погиб, а запись уничтожена? — спросила Ли.

Регистратор помедлил, затем сослался на особый порядок.

— У Глеба такого порядка нет, — сказала она. — Зато есть смерть, записанная раньше его взрослой жизни. Вы требуете доказательство, которое сами объявили недействи-

тельным заранее.

Шэнь провёл пальцем по счётной дощечке и велел внести спор о достаточности родового критерия. Проверку не остановили.

Глеб назвал ремесло. Он служил в дружине, охранял обозы и воевал там, где красивые приказы быстро становились грязной работой. Реестр принял ответы и добавил строку: «Ремесло подтверждено действиями».

После этого его спросили о нынешних обязательствах.

Глеб посмотрел на Ли. Он обещал не скрывать найденную цену и не решать за неё, даже если считал своё решение единственно верным. Ещё он обязан был не оплачивать собственное спасение чужими жизнями.

Глеб помнил обстоятельства, свой приказ и смерть Саввы, но голос товарища сохранился лишь обрывками.

Первое деление заполнилось больше чем наполовину.

— Обязательства не создают род, — сказал второй регистратор.

— Зато создают человека, с которым приходится жить.

Ли отвернулась к свиткам, скрывая улыбку. Шэнь заметил это, однако не вмешался.

Старший регистратор открыл узкий ящик. Внутри лежали предметы из прежних дел. Их очистили от крови и дорожной грязи, но Глеб всё равно узнал первый — обломок чёрной дощечки.

Он взял её двумя пальцами. В висках кольнуло, и перед

глазами возник заснеженный склон. Рядом должен был стоять погибший товарищ, но имя не вернулось.

Дощечка отделяла человеческую память от памяти места. Глеб получил её на северной границе, однако имени дарителя назвать не смог.

Второе деление осталось пустым на одну отметку.

Регистратор записал разрыв личной непрерывности. Ли поправила: потеря возникла после действия Печати Чёрного Неба и была установлена прежним делом. Причина не вернула память, но показывала, что пробел не появился сам.

Шэнь положил перед Глебом кусок красного шёлка. Пальцы сразу нашли старый шов. Он помнил назначение ткани и знал, что разрезал её, освобождая живого носителя от приказа мёртвого правителя. Однако часть разговора перед этим сохранилась только в пересказе Ли.

— Кто убедил вас разрезать шёлк? — спросил Шэнь.

— Мне рассказывали, что решение приняли вместе.

— Вы сами это помните?

— Нет.

Шэнь предложил повторить рассказанное как собственное свидетельство. Глеб отказался.

Третий регистратор поднял голову и предупредил, что отказ ухудшит результат проверки.

— Ложь улучшит? — спросил Глеб.

— Протокол оценивает совпадение версий.

— Значит, послушание.

Ли ничего не сказала. Левая рука сжалась на краю стола. Ей были нужны заполненные деления, но она не хотела, чтобы он присвоил её память ради победы.

Глеб объяснил разницу: Ли помнила событие, а он знал его с её слов. После этого пустое деление дрогнуло, и внутри появилась узкая черта. Реестр признал способность отличать личную память от принятого знания.

Следующим на стол лёг медный жетон Чёрного Журавля. Глеб узнал его быстрее, чем хотел. В груди отозвалась старая тяжесть.

Он назвал назначение жетона. Такие знаки связывали человека со списком будущих преступлений, а список подталкивал людей к записанному поступку. Шэнь спросил, кто погиб из-за решения Глеба.

— Савва Кривич.

— Вы помните его смерть полностью?

— Помню место, свой приказ и то, что решил заплатить один. Не помню всех слов, сказанных раньше.

— Считаете себя тем же человеком?

— Да. Ответственность не исчезает вместе с удобным куском прошлого.

Второе деление заполнилось почти до конца. Две отметки остались пустыми. Шэнь Цан некоторое время смотрел на дощечку, затем объявил: моральная непрерывность признана, полнота личности — нет.

— Полная личность встречается редко, — заметил Глеб.

— В вашем Зале особенно.

Пристав у двери шевельнулся. Ли кашлянула, хотя кашлять не собиралась.

Для проверки крови принесли небольшую чашу с иглой. Ли потребовала назвать предел действия и владельца результата. Регистратор ответил, что нужна одна капля, а доступ получит коллегия. Ли указала на скрытого выгодоприобретателя. Шэнь ограничил доступ этим заседанием и велел внести её возражение.

— Глеб, решение твоё, — сказала Ли.

— После рынка я привык, что каждая железка здесь имеет мнение.

Он протянул руку. Игла вошла в палец, капля упала в чашу и не растеклась. Чёрное остриё коснулось крови. На коже проступила знакомая метка, поднялась к запястью и разделилась.

Один след признал человеческую кровь. Второй обозначил носителя несовместимых печатей. Третий ушёл к железному обручу и вывел знак пустой родовой линии.

Регистраторы заговорили почти одновременно. Несовместимые классификации, по их мнению, подтверждали свойство сосуда.

Ли положила бирку защитника на стол. Она напомнила, что метка изменилась после добровольного выбора Глеба, когда он принял несовместимое условие, спасая её. Старший регистратор возразил: намерение невозможно измерить кро-

вью.

— Зато действие измеряется, — сказала Ли. — Он мог отказаться.

— Возможность отказа не внесена в исходный протокол.

— Потому что протокол составлен до события.

Шэнь не стал отрицать.

— Трибунал и проверяет, была ли у объекта собственная воля или он выполнил назначение пустой линии.

Глеб разжал пальцы. Метка осталась на коже.

— Если сосуд выбирает, что принять и что сломать, чем он отличается от человека?

— Человек имеет непрерывное происхождение.

— Мы снова пришли к деду, которого я не знаю.

Пустое место коллегии щёлкнуло. Из темноты вышла белая полоса и легла на стол. На ней проступил свиток с закрытой датой.

Ли узнала запись юридической смерти и потребовала открыть автора. Шэнь ответил, что это станет возможным после признания стороны. Глеб отвечал на вопросы, но Трибунал считал его объектом исследования.

Три деления показали итог. Имя не подтвердили полностью из-за родовой цепи. Память сохранила пробелы. Кровь дала несколько ответов и потому стала доказательством против него.

— Прошу считать меня человеком до доказательства обратного, — сказал Глеб. — Иначе вы лишаете меня права

спорить с тем, чего ещё не доказали.

Регистраторы положили ладони на стол. Пустые места коллегии ответили шелестом бумаги. На белой полосе появилась строка: просьба может быть заявлена только признанным лицом.

Ли возразила, что именно признание лица является предметом просьбы. В ответ возникло второе правило: непризнанное лицо не обладает правом требовать признания.

— Это замкнутый круг, — сказала Ли. — Вы заранее исключили защиту.

— Правило старше этого дела, — ответил Шэнь.

— Старость не делает его разумным.

— Но делает действующим.

Глеб понял, что Зал не намерен оценивать человека по поступкам. Он требовал готового признания, прежде чем разрешал доказывать человечность.

— Тогда дайте мне говорить как тому, чем вы меня считаете, — сказал он.

— Уточните.

— Как доказательству. Вещественное доказательство можно осмотреть, и оно способно не совпасть с обвинением.

Регистраторы переглянулись. Такой путь допускался при наличии защитника.

Ли повернулась к Глебу. Если он соглашался, статус закреплялся до следующего решения. Голос оставался, но только через неё.

— Другого голоса они пока не выдают, — сказал Глеб. Она не стала отбирать у него решение.

— Внести в протокол: обвиняемый участвует как вещественное доказательство, не признавая законность классификации.

Шэнь передвинул косточку. Белая полоса обвилась вокруг свитка, а на обруче Глеба появился новый знак. Люди в зале продолжали видеть его, но их взгляды начали соскальзывать со стола, словно там лежал предмет.

Старший регистратор объявил предварительное решение: Глеб Воронец временно признавался не-лицом с правом давать пояснения через защитника.

— Человек говорит, а бумага решает, слышали ли его, — сказал Глеб. — Порядок у вас крепкий.

Заседание закрыли. Пристав забрал чашу с кровью. Глеб потребовал вернуть иглу для осмотра, но писец прошёл мимо, будто просьбы не было. Ли повторила требование, и тот остановился.

— Работает быстро, — сказал Глеб.

— Не привыкай.

— Трудно. Сначала у меня отнимают право говорить, потом назначают человека, который подтвердит, что я говорил.

Шэнь Цан подошёл к белому свитку. Защита получила доступ к основанию смерти. Дата и строка автора оставались закрыты, но подпись открылась для проверки.

Ли взяла свиток левой рукой. Правая кисть под перевязью

дёрнулась. На нижнем краю проступил знак клана Ли, а рядом — детская подпись.

Она долго смотрела на неё.

— Это моё имя.

— Подпись признана родом Ли, — сказал Шэнь.

— Я не могла её поставить.

Ли провела пальцем по последнему знаку. В том возрасте она ещё не умела писать эту черту.

Глеб увидел, как побелели её губы. Под невозможной подписью дрогнула закрытая строка автора, а свиток юридической смерти потяжелел в её руках.

Глава 5. Девять пустых кресел

Свиток юридической смерти лежал на столе, а детская подпись Ли оставалась на нижнем краю. Знак был её. Ошибка в последней черте тоже принадлежала ей, хотя в том возрасте она ещё не умела выводить её без образца.

Ли подняла свиток левой рукой, а правую свело под перевязью, будто та пыталась повторить чужое движение.

— Я требую открыть автора записи, — сказала она.

— Автор указан подписью, — ответил старший регистратор.

— Подпись поставлена до того, как я научилась писать этот знак.

— Возраст не опровергает признанное действие.

— Зато опровергает вашу дату.

Шэнь Цан посмотрел на закрытую строку над подписью.

— В малом зале этот спор не разрешается. Его принимает коллегия.

Глеб находился за разделительной чертой. После предварительного решения писцы перестали отвечать ему без повторения Ли, но он всё ещё видел и слышал.

— Удобно, — сказал он. — Ошибку сделал Зал, а идти к другой двери приходится нам.

Ли свернула документ. Белая полоса не дала убрать свиток в рукав.

— Ведите к коллегии.

Внутренняя дверь открылась. За ней начиналась служебная галерея с закрытыми нишами. За окнами стояла глубокая ночь, хотя у входа в Трибунал ещё лежал дневной снег.

Глеб пошёл следом, но пристав остановил его у серебряной черты.

— Вещественное доказательство ожидает допуска.

— Я умею ждать и без нового звания, — сказал Глеб.

Ли обернулась.

— Я буду говорить так, чтобы ты слышал.

— Лучше говори так, чтобы слышали они.

Она кивнула и вошла в зал коллегии.

Девять кресел стояли полукругом. Их сделали из разного дерева и металла. На сиденьях лежала пыль, зато подлокотники блестели от долгого использования.

Живых судей не было.

Шэнь занял место у небольшого стола. Три регистратора сели ниже. Ли осталась перед креслами.

— Кто принимает решение?

Первое кресло повернулось к ней. На спинке проступили слова старого приговора:

«Родовая кровь имеет силу до прекращения рода».

Второе ответило другой строкой:

«Имя существа определяется тем, кто удерживает его от вреда».

Кресла сами выводили слова. Насечки темнели в дереве,

а буквы проходили по железу и камню. Настоящее их не интересовало: каждое кресло искало знакомую форму старого приговора.

Ли подошла к ближайшему.

— Вы не судьи. Вы решения.

Железное кресло выдвинулось на ширину ладони. На подлокотнике появился знак подтверждения.

— Девять действующих Мандатов, — сказал Шэнь. — Каждый удерживает область признанной истории.

— И принимает только то, что совместимо с его основанием.

— Да.

— Тогда нового решения здесь быть не может. Вы можете лишь выбрать старое.

Одно кресло ударило ножкой о пол. В трещине открылась строка: «Изменение допускается через признанное исключение».

— Благодарю, — сказала Ли. — Теперь я знаю, какое слово вы предпочитаете вместо ошибки.

Глеб за чертой усмехнулся. Серебряная линия не пропустила его голос дальше первых рядов.

Ли повернулась к Шэню.

— Вы управляете допуском и порядком, но изменить Мандат единолично не можете.

— Не могу.

Он не изображал власть большей, чем она была.

— Тогда требую отменить предварительный статус Глеба по неподсудности. Восемь действий совершены в разных землях. Канцелярия не была властью над каждым монастырём, двором и военным приказом.

Первое кресло показало карту северной границы. Второе — двор Нефритового князя. Другие вывели свои места. Общей территории между ними не было.

— Юрисдикция не установлена, — сказала Ли. — Часть прежних владельцев открыто отрицала право Канцелярии.

Шэнь положил ладонь на стол.

Карта на первом кресле раскрылась. Под изображением Чёрного Неба проступило маленькое клеймо: три штриха вокруг пустого центра. Знак Канцелярии не управлял печатью, но подтверждал право считать её действительной.

То же клеймо появилось в ядре Нефритовой печати, затем в Печати Железной Лисы. Одно за другим кресла показали скрытые основания прежних правил.

Глеб перестал улыбаться.

— Эти знаки не принадлежали открытым частям печатей, — сказала Ли.

Шэнь не отрицал самостоятельности прежних владельцев. Тэмур Саргал не получал приказов Канцелярии, а Ши Гуань сам решил лишать существ иной природы. Каждый отвечал за своё исполнение. Канцелярия лишь регистрировала основания и заранее ограничивала допустимый вред.

— Значит, они отвечают за исполнение, а вы присвоили

право решать, какие основания существуют.

— Без регистрации каждый правитель создавал бы законность из собственной крови.

— Они всё равно это делали.

Возражение о неподсудности ослабло. Канцелярия не управляла прежними врагами, однако признавала их основания и присваивала последствия. Она заранее определяла, какой вред назовут законным.

— Внести в протокол: прежние владельцы действовали самостоятельно. Канцелярия заявляет право на скрытые основания в ядрах печатей.

Старший регистратор записал.

— Внести также, что носители цены не знали об этих клеймах.

— Возражение принято к проверке, — сказал Шэнь.

— Зафиксировано. До принятия ещё далеко.

Один Мандат отклонил неподсудность. Второй оставил вопрос открытым. Остальные потребовали связать каждое дело с отдельным основанием. Предварительный статус Глеба сохранился.

За чертой пристав передвинул его стул дальше от двери. Ли видела, как Глеб прижимает локоть к сломанному ребру. Она положила свиток смерти на центральный стол.

— Теперь подпись.

Кресла перестали показывать карты.

— Повестка получена утром, — сказала Ли. — Она на-

писана движениями моей повреждённой руки. Эта подпись сделана так же. Оба документа признают решение, которого я ещё не приняла.

Шэнь подошёл ближе.

— Зал хранит допустимые решения.

— Будущие?

— Допустимые. Время не единственный способ их различать.

— Для людей единственный доступный.

Ли развернула повестку рядом со свитком. Бумага вернула текст, показанный на лекарском дворе. Внизу проступил закрытый знак судьи.

Она совместила листы. Нажим и ошибка в последней черте совпали.

Правая рука дёрнулась. Указательный палец выпрямился под бинтом, и Ли отняла руку от стола.

— Подпись принадлежит версии меня, которая станет судьёй.

— Версии, допустившей такое решение, — поправил Шэнь.

— Разница?

— Судья может отклонить подготовленный приговор.

— Но подпись уже признаёт его основание.

Шэнь не ответил. Одно кресло повернулось к Ли. На спинке возникло её имя с новым титулом:

Судья Ли.

Глеб увидел надпись и поднялся. Пристав положил руку ему на плечо, а серебряная черта стала выше и закрыла звук.

— Оставьте его на месте, — сказала Ли.

— Обвиняемый нарушил порядок.

— Он не признан человеком. Значит, человеческий порядок к нему неприменим.

Шэнь велел приставу отойти.

— Вы быстро осваиваете преимущества собственного возражения.

— Пока только мешаю вам пользоваться его недостатками.

Регистратор принёс узкое кресло без спинки. На сиденье лежала нефритовая пластина с гербом клана Ли.

— Это не место коллегии, — сказала она.

— Место кандидата.

— Я не подавала просьбу.

— Повестка допускает вас как автора будущего решения.

— Значит, она не доказывает согласие. Она пытается его получить.

Шэнь указал на её правую руку.

— Положите ладонь на пластину и увидите условия полностью.

Ли посмотрела на Глеба. Он видел кресло и движение Шэня, но серебряная преграда глушила разговор.

Она положила правую ладонь на нефрит.

Нефрит сразу снял боль и вернул пальцам движение. Ли

осторожно коснулась края пластины, впервые за месяцы чувствуя поверхность. Лёгкость восстановления показала, как быстро тело принимает чужую цену.

На пластине открылась строка:

«Временное восстановление тела судьи действует в пределах Зала».

Следом появилась вторая:

«Доступ к закрытому реестру происхождения и юридической смерти».

Ли почувствовала, где лежит нужный свиток: ниже служебной галереи, за тремя уровнями допуска. Там были автор записи и дата создания пустой линии.

— Место даст вам доступ, — сказал Шэнь. — Вы прочтёте основание смерти Глеба до первого дела.

Ли сжала пальцы. Ни боли, ни дрожи.

На вопрос о цене Шэнь ответил: рука действовала за счёт реестра непризнанных просителей, пока Ли участвовала в решении. По его словам, судья не должен был платить только собственной волей, иначе решение становилось личным.

Она убрала ладонь. Боль вернулась вместе с судорогой, и пальцы впились в кожу.

Распределение долга между многими ничего не меняло. Просителю тоже требовались его рука, имя или память, однако именно ими оплачивалась судейская способность. Чтобы получить место и изменить правило, Ли сначала должна была воспользоваться этой системой.

— Такая цена добровольной не становится.

Ли посмотрела на подпись. Будущая версия согласилась на этот порядок. Возможно, ради Глеба. Закрытый реестр обещал ответы, которых они искали много лет.

За чертой Глеб постучал обручем по столу. Он не слышал слов о непризнанных просителях. Видел лишь, что рука Ли на короткое время двигалась свободно.

Для него это выглядело обещанием исцеления, но он не знал, кто за него платит.

— Я не принимаю место, — сказала Ли.

Кресло кандидата отодвинулось, но не исчезло.

— Вы можете оставить предложение открытым, — сказал Шэнь. — Зал сохранит доступ до решения коллегии.

— Внести предложение в протокол полностью.

— Условия судейского допуска закрыты.

— Тогда я заявляю его как доказательство. Повестка и подпись зависят от моего будущего согласия. Суд предлагает восстановить мою руку за счёт непризнанных просителей и открыть реестр смерти Глеба в обмен на участие в коллегии.

Регистраторы замерли. Девять кресел повернулись к ней.

Шэнь мог отклонить формулировку, но тогда подтвердил бы, что скрывает условие. Он передвинул косточку на доске.

— Внести с отметкой: предложение не принято, но сохранено для процессуальной проверки.

Запись легла на бумагу.

Кресло кандидата придвинулось обратно. Теперь на нём появилось имя Ли. Зал признал её возможным членом коллегии, хотя согласия она не дала.

Глеб увидел это и поднял взгляд, ожидая объяснения. Ли хотела сразу назвать цену, как обещала, но пристав закрывал двери. Она подняла левую ладонь, давая понять, что решения ещё нет. Глеб ответил коротким кивком и остался ждать, но серебряная черта сделала ожидание частью суда.

Одно из девяти кресел повернулось быстрее других. На спинке появился знак Печати Железной Лисы.

— Судья Ли, — произнёс голос Мандата. — Первое дело назначено к слушанию.

— Я не судья.

Кресло не отступило.

На каменном полу открылась щель. Из неё поднялся запах старого железа и монастырского дыма. В протоколе появилось название:

«О добровольности Юнь-Су».

Глава 6. Люди за чертой

Чэнь Мэй нашла первую пустую строку в подворной книге ещё до того, как архивариус признал, что с книгой неладно. Он держал палец над страницей и упрямо считал постольцев по старой привычке: от верхней записи к нижней, не пропуская ни одной.

— Двадцать семь, — сказал он.

На дворе перед архивом стояли тридцать человек. Чэнь Мэй пересчитала их дважды.

— Тридцать.

— В книге двадцать семь.

— В книге три пустые строки.

Архивариус наклонился так близко, что его борода легла на бумагу. В каждой пустой строке сохранились дата прибытия и плата за ночлег. Имени не было. Даже следа выскобленной туши не осталось.

— Здесь были записи, — произнёс он.

— Чьи?

Он открыл рот, но не ответил. Память о числе сохранилась, а люди исчезли из порядка, который должен был подтверждать их присутствие.

Боро Чулуу стояла у двери и смотрела не в книгу, а на двор. Двое караванщиков держали под руки солдата в сером халате. Тот ещё шёл сам, но его пропуск на груди побелел.

Рядом шёл второй солдат с такой же дощечкой. Оба служили в царской лаборатории и пережили приказ, заставлявший тело подчиняться после смерти.

— Они слабеют, — сказала Боро.

— Записи исчезают раньше тела, — ответила Чэнь Мэй.

— Пока имя удерживается людьми, они могут стоять.

— Тогда хватит считать бумагу. Пусть назовут себя.

Чэнь Мэй вывела солдат в середину двора.

— Имя.

Первый назвался сразу. Голос дрогнул, но дощечка потемнела, возвращая две черты. Второй долго смотрел на собственные ладони, словно имя осталось где-то между шрамами.

— Чао Лян, — подсказал товарищ.

— Не за него, — остановила Чэнь Мэй. — Он должен называть себя сам.

Солдат сглотнул.

— Чао Лян.

Имя вернулось на пропуск, однако одна черта фамилии осталась бледной.

Архивариус захлопнул подворную книгу.

— Я не могу держать здесь людей, которых нет в списке.

— Они стоят у вас во дворе.

— Двор не ведёт отчётности.

Боро повернулась к нему.

— Тогда пусть двор будет начальником. Он видит лучше.

Архивариус оскорбился, но возражать двору не стал. Чэнь Мэй попросила русскую книгу караванщиков. Приказчик принёс её из повозки. В строках с именами солдат зияли те же пробелы. В степной дорожной записи Боро исчезли два зарубленных имени, хотя отметки о выданном мясе сохранились.

Три языка не помогли. Пустота была одинаковой.

— Значит, дело не в переводе, — сказала Чэнь Мэй.

— Хорошо, что бумага умеет молчать сразу на всех языках, — отозвалась Боро. — Иначе пришлось бы выяснять, на каком она врёт.

По улице прошёл порыв ветра. Солдаты вздрогнули. До второго колокола оставалось мало времени. Чэнь Мэй собрала книги в кожаную суму и велела караванщикам идти за ней. Архивариус попытался забрать подворный реестр, но она прижала книгу локтем.

— Это городской документ.

— Тогда город пойдёт с нами.

— Куда?

Чэнь Мэй посмотрела на пустую стену напротив архива. Утром там видели Глеба и Ли, после чего дверь исчезла. Адреса Небесного трибунала не было ни в одной ведомственной книге.

— Сначала найдём место, которого нет.

Они обошли административный квартал. Чэнь Мэй спрашивала у писцов, стражи и разносчиков судебных повесток.

Все знали Ступени счёта, но никто не мог показать вход в Зал. Один чиновник предложил подать запрос о местонахождении учреждения. Срок ответа составлял десять дней.

— У нас девять, — сказала она.

— Тогда ответ придёт после завершения дела.

— Это вы называете порядком?

— Это я называю сроком.

Боро отвела её в сторону.

— Хватит спрашивать тех, кто получает плату за незнание.

— У тебя есть след?

— Есть люди, которые не смотрят на стену.

Чиновники выходили из бокового переулочка и перед пустой стеной делали крюк. Никто не останавливался. Они обходили место на три шага, будто там стояла телега. Следов колёс на снегу не было.

Боро прошла прямо и упёрлась ладонью в камень.

— Здесь.

Чэнь Мэй осмотрела кладку. Шов между плитами шёл до карниза, но одна вертикальная линия не покрылась инеем. Она назвала стену входом Небесной канцелярии на китайском языке. Камень не изменился.

Затем произнесла русское название. Один солдат обернулся, ожидая увидеть дверь, однако стена осталась прежней.

Боро дала степную формулу: место, где власть принимает

имя и возвращает долг. В кладке щёлкнуло.

— Ещё раз, — сказала Чэнь Мэй.

Они повторили три названия подряд. На камне возникли три прямоугольника. Каждый обозначал свой вход, но ни один не совпадал с другими.

— Переводы спорят, — заметила Боро.

— Потому что я поставила их один за другим. Зал выбрал первую версию и отверг остальные.

— Пусть стоят рядом.

Чэнь Мэй попросила солдат произнести русское название, сама повторила китайское, а Боро сказала степную формулу одновременно с ними. Прямоугольники сдвинулись и легли друг на друга. В стене появилась дверь.

Архивариус ахнул.

— Она должна быть внесена в план квартала.

— Подайте запрос, — посоветовала Боро. — Через десять дней узнаете, куда её рисовать.

Чэнь Мэй положила ладонь на створку. На дереве выступили три строки: формулирующий, носитель цены и свидетель. Ниже появилась отметка: «Наследственный участник не установлен».

— Я представляю живых свидетелей, — сказала она.

Дверь не открылась.

— Я переводчик признанных решений.

На створке возникло: «Перевод не создаёт участия».

— Зато создаёт понимание.

Ответа не было.

Боро приложила к двери свой дорожный нож.

— Я свидетельствую, что вход существует.

Дерево приняло её слова, но не открылось. Равноправные названия ослабили единственную версию двери, однако статуса не дали.

Из переулка вышли двое приставов пропусков. На лицах у них были бумажные личины, а в руках — дощечки с пустыми шнурами.

— Лица, связанные с делом, обязаны предъявить запись,

— сказал первый.

Чэнь Мэй встала перед солдатами.

— Они пришли добровольно.

— Добровольность не отменяет принадлежность.

Пристав коснулся пропуска Чао Ляна. На дощечке проступила новая строка: «Имущество императорской лаборатории, сохранённое для службы».

Солдат побледнел.

— Я отказался от приказа.

— Отказ оспаривается, — ответил пристав.

— Я жив.

— Это также оспаривается.

Второй солдат поднял рукав. На предплечье виднелся разрез, который он сделал после освобождения от Печати Царской Крови.

— Я сам выбрал уйти.

Пристав повернул к нему бумажную личину.

— Вы были предметом решения Глеба Воронца. Предмет не свидетельствует в пользу владельца действия.

Чэнь Мэй достала письменный набор.

— Тогда они не будут свидетелями Глеба.

— Уточните основание.

Она положила подворную книгу на перевёрнутую бочку и открыла пустые строки.

— Чао Лян свидетельствует о собственном отказе от приказа. Второй солдат — о своём. Их слова не принадлежат ни Глебу, ни Ли.

— Имя второго не подтверждено.

— Подтвердит сам.

Солдат назвал себя: Сунь Хэ. Чэнь Мэй записала имя в свободной строке. Тушь начала бледнеть, но Боро прижала к бумаге костяную дорожную метку.

— Я видела, как он шёл от северной заставы, — сказала она. — Ел мало, ругался часто. Мёртвые так не берегут сапоги.

Сунь Хэ невольно улыбнулся. Его имя удержалось.

Пристав поднял дощечку.

— Для регистрации самостоятельного свидетельства требуется представитель, принимающий перенос цены.

— Я принимаю представительство, — сказала Чэнь Мэй. На бумажной личине появилась новая строка.

— Последствия дела могут перейти на ваше имя.

— Записывайте.

Боро посмотрела на неё.

— Ты хоть раз думаешь перед тем, как согласиться?

— Обычно да.

— Сегодня незаметно.

— Сегодня времени мало.

Пристав приложил пустую дощечку к её рукаву. Дерево нагрелось. Имя Чэнь Мэй возникло рядом с именами солдат, а на запястье появилась красная полоса. Она не болела, но уходила под кожу и тянулась к двери.

Створка приоткрылась на ширину пальца.

Изнутри пахнуло пылью и железом. За щелью была служебная галерея, однако пройти не получалось. Дверь признала свидетельства, но не пропускала представителя без судебной описи.

— Документы, — сказала Чэнь Мэй. — Нужна запись по восьми делам.

Архивариус побледнел.

— Внешний архив закрыт для выдачи после вечернего удара.

— Второго удара ещё не было.

— Но внутреннее время учреждения может отличаться.

— Тогда откройте дверь раньше, чем оно решит наступить.

Они вернулись в архив. Чэнь Мэй потребовала переводческие журналы по прежним делам. Архивариус принёс два

новых тома, где все формулировки были согласованы Канцелярией.

— Нужны ранние записи, — сказала она.

— Эти исправлены и потому надёжнее.

— Мне нужна ошибка, которую ещё не успели сделать правильной.

Боро пошла вдоль шкафов. Она не читала ярлыки, зато заметила потёртый след на полу у дальней стены. Шкаф там часто отодвигали, хотя архивариус уверял, что старые журналы не выдавались много лет.

За шкафом обнаружилась узкая ниша. В ней лежал дорожный журнал Саввы Кривича. Обложка треснула, угол был прожжён углём. Чэнь Мэй узнала его почерк раньше, чем прочла имя владельца.

Она села на пол и перелистала страницы. Савва оставлял рядом с переводами свои ошибки, возражения и имена тех, кому был выгоден выбранный смысл.

— Вот человек, который не умел оставить страницу в покое, — сказала Боро.

— Он знал, что чистая версия обычно уже чья-то.

На полях записи о Печати Кодекса Чэнь Мэй нашла короткую помету. Савва ссылался на старую статью: живой участник мог возразить против признанного текста, если понимал правило и принимал последствия отказа. Номер статьи был указан, но в действующем своде такого раздела не существовало.

Чэнь Мэй открыла новый том. Следом шла другая статья, но нумерация расходилась на один знак.

— Её удалили, — сказала она.

Архивариус опустил ся рядом.

— Возможно, объединяли разделы.

— Тогда ссылка сохранилась бы в указателе.

— Указатель тоже могли исправить.

— Значит, исправляли тщательно.

Боро присела на корточки.

— Это откроет дверь?

— Пока даёт право спорить с тем, что уже признано. Если статья действовала раньше, её удаление нужно было оформить решением.

— А если решения нет?

— Тогда удалили не правило. Удалили возможность его назвать.

В журнале зашевелилась судебная нить. Красная полоса с запястья Чэнь Мэй легла на страницу. На полях появился знак описи.

«Показание погибшего».

— Они уже знают о журнале, — сказала она.

Архивариус выхватил книгу, но та не сдвинулась. Судебная нить удерживала её на полу.

— Это архивная собственность!

— Теперь ещё и доказательство.

В переулке прозвучал первый звон перед вторым ударом.

Солдаты у двери начали слабеть, а имя Сунь Хэ побледнело.

Чэнь Мэй закрыла журнал и прижала его к груди.

— Несём к двери.

У исчезнувшего входа ждали приставы. Один держал судебную опись. В ней сами появлялись строки: подворная книга, три дорожные записи, показания солдат и журнал Саввы.

Чэнь Мэй прочла последнюю запись и остановилась.

— Исправьте статус.

— Погибший не может явиться добровольно, — сказал пристав.

— Он и не явится. Это письменное свидетельство.

— Суд признал личное присутствие необходимым для проверки намерения.

Боро вырвала опись из его руки. Бумага обожгла пальцы, но она не отпустила лист.

Внизу стояло распоряжение:

«Савва Кривич. Свидетель назначен к принудительному вызову».

Чэнь Мэй перечитала строку. Савва был мёртв несколько лет, и Небесный трибунал это знал. Значит, суд собирался вызвать не человека, а признанную версию его последних слов — ту, которую сам же внесёт в зал вместо живого возражения.

Глава 7. Цена побега

Дверь стояла перед Глебом гладкой, без замка и щели для ключа.

Он коснулся железного обруча. После решения малого зала имя на металле сохранилось, но рядом появился новый статус: временное не-лицо. На двери сохранялась прежняя формулировка, но она не относилась к тому, кого суд только что отказался признать человеком.

Глеб толкнул створку плечом. Она открылась без сопротивления.

— Хорошая служба, — сказал он пустому коридору. — Сначала человека отменяют, потом забывают запереть.

Пристав сидел у дальней стены с закрытыми глазами. Бумажная личина лежала на коленях. Услышав шаги, он поднял голову, но не преградил путь.

Он надел личину. Строки на ней сложились в ответ: возвращение в камеру будет принято добровольно. Запрета на выход не появилось.

Глеб прошёл дальше. Коридор был шире камеры и изгибался вокруг внутреннего двора. На стенах через равные промежутки висели пропускные дощечки. Большая часть оставалась пустой. На первой сохранилось имя мальчика из карантинного двора.

За дощечкой открылся проход. Глеб увидел тот самый

двор, где утром Ли остановила испорченную печать лекар-ского шкафа. Только снег там успел почернеть, а мальчик сидел у стены и прижимал к груди чашу с лекарством.

Глеб остановился. Он знал, что Зал умеет показывать последствия как доказательства. Картинка могла быть воспо-минанием, угрозой или удобной ложью.

Мальчик поднял голову.

— Господин Глеб?

Голос дошёл ясно. На его губах осталась кровь от жара.

— Ты меня видишь?

— Пока да.

На пропускной дощечке одна черта имени побледнела. Глеб сделал шаг к проходу, и мальчик сразу согнулся от каш-ля. Лекарская бирка на его груди изменилась: вместо права на лечение возникла запись о незаконной выдаче.

Глеб отступил. Строка исчезла, мальчик вдохнул свобод-нее.

Значит, это было не представление для суда. Связь дей-ствовала сейчас.

Пристав подошёл сзади и объяснил, что проходов восемь: по числу оспариваемых решений. Каждый шаг к выходу воз-вращал версию, которую соответствующий Мандат считал допустимой.

— Люди там настоящие? — спросил Глеб.

— Последствия настоящие.

Ответ был аккуратным. Суд называл живого человека по-

следствием, когда так было проще переносить боль.

Глеб пошёл дальше. Он не собирался проходить через каждую дверь ради проверки. Одной было достаточно, но коридор не дал выбрать короткий путь. Следующая дощечка сама выпустила имя солдата из царской лаборатории.

За ней стоял Чао Лян. Глеб узнал серый халат и старый порез на предплечье. Утром солдат ещё находился за стенами Зала. Теперь он опирался на бочку во внешнем архиве, а рядом Чэнь Мэй держала раскрытую книгу.

Глеб сделал полшага. На руке солдата открылся старый разрез. Кровь потекла по пальцам и упала на снег.

Чао Лян выгнулся. На его пропуске проступила строка: «Тело обязано завершить последний приказ владельца».

Чэнь Мэй велела солдату назвать себя, но его рот произнёс последний приказ владельца: сохранить образец до смерти.

Глеб отшатнулся. Рана сомкнулась, пропуск вернул имя. Чэнь Мэй подняла голову, будто слышала движение за невидимой стеной, но проход закрылся.

Теперь сомнений не осталось. Каждый шаг к выходу возвращал не прошлое, а официальную версию прошлого. В ней люди, которых они спасли, считались имуществом, ошибкой или опасной записью.

Глеб дошёл до поворота. Там начинался коридор выходов. На полу тянулась серебряная черта, такая же, как в зале коллегии. За ней виднелась обычная дверь и снежная улица Се-

верной столицы.

Он присел и коснулся пола перед чертой. Камень был тёплым. Железный обруч ответил слабым нажимом, словно предлагал закончить дело одним шагом.

Из бокового прохода донёсся детский плач. Глеб не стал смотреть. Суд показал правило, а продолжать проверку чужим телом было бы тем же, чем занимались Мандаты.

На стене рядом с чертой висела шкала из девяти медных делений. Первое было заполнено после утреннего удара. Когда Глеб приблизился к выходу, металл под первым делением почернел, а на втором появилась царапина. Зал не ждал полного побега: он начинал отмену в тот миг, когда обвиняемый показывал намерение уйти.

Глеб провёл пальцем по царапине. Она была свежей и оставила на коже медную пыль. Значит, даже проба сокращала отсрочку. Вернуться в камеру было недостаточно; требовалось снова признать участие, чтобы восстановить срок.

Он снял сапог и поставил его за серебряную линию, не перенося веса. Ничего не произошло.

Он вернул сапог, обулся и подошёл вплотную. Для проверки требовался его собственный шаг. Железо на запястье нагрелось.

Глеб поставил правую ногу за черту, и коридор сразу изменился. За дверью вместо улицы открылся карантинный двор. Мальчик выронил чашу, а лекарь рядом перестал узнавать его имя. На другой стене возник проход к внешнему ар-

хиву. Чао Лян упал на колени, выполняя приказ мёртвого владельца.

Ещё одна дверь показала караванщика, которому вернулась чужая память. Мужчина вцепился в голову и заговорил голосом давно погибшего правителя. Он потребовал вести обоз на юг, хотя впереди была закрытая зимняя дорога.

Глеб перенёс вес вперёд. Сломанное ребро отозвалось резкой болью, но удар пришёл не от него. В груди будто одновременно раскрылись чужие раны. Кожу на предплечье рассёк старый порез Чао Ляна. Горло свело приказом, который запрещал говорить собственное имя.

У мальчика на груди исчезла лекарская бирка. Глеб выдернул ногу обратно, и серебряная черта вспыхнула и погасла. Дворы закрылись, но последствия не ушли сразу. На его руке продолжала течь кровь. В голове звучал чужой приказ о повороте каравана. Он прижал ладонь к стене и заставил себя назвать собственное имя.

— Глеб Воронец.

Первый раз голос сорвался.

— Глеб Воронец.

Приказ ослаб. Обруч сжался, подтверждая возвращение обвиняемого. За одной из дверей мальчик получил право на лечение.

Глеб опустился на колени. Ноги перестали слушаться. Чужая боль приходила отдельными ударами. Ребро было сломано, и новый спазм лишил его дыхания. Он дождался, пока

грудь позволит вдохнуть, затем сел у стены.

Пристав остановился рядом и напомнил, что Зал не удерживает силой: цена следует за отказом от защиты.

— Вы называете выбором решение, после которого ребёнок теряет лекарство?

— Он получает состояние, признанное до вмешательства обвиняемого.

— Он получает смерть.

Пристав не возражал. Он исполнял формулу и не пытался причинить больше, чем было записано. Перед Глебом стоял человек, который давно перестал видеть разницу между правилом и последствием.

В коридоре появилась Ли. Она шла быстро, придерживая правую руку левой. На лице ещё оставалась бледность после предложения судейского места.

Увидев кровь, она ускорила шаг.

— Что ты сделал?

— Проверил дверь.

— Один?

— Пристав был рядом. Очень поддерживал порядком.

Она опустила перед ним и разрезала рукав у раны. Порез выглядел свежим, но края повторяли старый шрам Чао Ляна.

— Это не твоя рана.

— Уже моя.

— Ты пересёк черту?

— Одной ногой. Суд решил, что этого достаточно для большой работы.

Ли приложила к порезу сложенную ткань. Правая рука под перевязью дёрнулась, но не помогла. Она затянула узел левой рукой и проверила дыхание Глеба.

— Ребро сместилось?

— Пока спорит с остальным телом.

— Нужно вернуть тебя в камеру.

— Сначала поговорим.

Ли подняла взгляд. Она поняла, о чём пойдёт речь, раньше вопроса.

— За чертой я видел твоё кресло, — сказал Глеб. — И руку, которая снова двигалась.

— Это временное восстановление в пределах Зала.

— Цена?

Она ответила сразу:

— Её берут из реестра непризнанных просителей. Моя рука действует за счёт того, кому отказали в собственной способности.

Глеб ждал продолжения.

— Ещё место даёт доступ к закрытому реестру твоей юридической смерти, — сказала Ли. — Там автор пустой линии и основание записи.

— Ты знала это в зале?

— Узнала, когда коснулась нефрита.

— Почему не сказала сразу?

— Между нами стояла черта. Ты не слышал условий.

— Потом была дверь.

— Меня вызвали к протоколу до выхода.

— Сейчас ты пришла только потому, что я сам нашёл выход.

Ли затянула повязку сильнее, чем требовалось. Глеб поморщился, и она ослабила узел.

— Я собиралась сказать.

— Это не то же самое, что сказала.

— Я не приняла предложение. Оставила его в протоколе как доказательство зависимости повестки от моего выбора.

— И Зал теперь считает тебя возможным судьёй.

— Да.

Глеб прислонился затылком к стене. Перед глазами ещё плыл карантинный двор. Мальчик ронял чашу каждый раз, когда он переносил вес за черту.

— Сведения о цене должны появляться раньше решения,

— сказал он. — Не после того, как ты решила, что справишься одна.

— Тогда ты можешь попытаться заплатить вместо меня.

— Могу. Поэтому и требую говорить сразу.

Спор упёрся в общую ошибку: каждый пытался спасти другого, оставляя себе решающее слово и часть сведений.

Ли первой отвела взгляд.

— Хорошо. Известная цена называется до подготовки решения, даже если это подтолкнёт другого к опасному выбо-

ру.

— Конкретная цена. Без «возможно», когда последствие уже видно.

— Согласна. А ты сообщаем о проверках до того, как полезешь в суд любой частью тела.

— Сапог не считается.

— Он хотя бы не спорит с врачом.

Глеб усмехнулся и тут же схватился за ребро. Ли помогла ему подняться. Ноги держали плохо. Чужие последствия оставались в теле, пока отсрочка не закрепила снова.

У серебряной черты Глеб остановился. За ней по-прежнему была улица. Он мог выйти. Зал не ставил стену и не связывал ноги. Достаточно было принять мир, где их прежние решения объявлялись незаконными, а спасённые люди возвращались к назначенной смерти.

— Я остаюсь, — сказал он.

Пристав поднял личину.

— Добровольное возвращение подтверждено.

— Запиши: я остаюсь из-за людей за этими дверями, а не потому, что признал право суда.

Ли повторила его слова как защитник. На стене появилась запись: «Возвращение ради сохранения отсроченных следствий. Юрисдикция не признана».

Глеб шагнул к камере. На втором шаге ноги подкосились. Ли подхватила его под плечо, но правая рука не удержала вес. Они вместе ударились о стену.

— Ты тяжёлый, — сказала она.

— Суд выдал восемь дел. Всё при мне.

Пристав сделал вид, что не услышал. В камере Глеб лёг на низкую скамью. Дверь осталась открытой, но строка на косяке изменилась. Теперь она удерживала не имя, а добровольное обязательство. Выйти снова он мог, только отозвав собственное решение.

Ли села рядом. Она проверила его пальцы и убедилась, что чувствительность возвращается. Порез на руке перестал кровить, однако боль в груди усиливалась при каждом вдохе.

— Чужие раны не должны остаться навсегда, — сказала она.

— Слово «не должны» здесь опасное.

— Я прослежу.

— Сначала своя рука.

— Она уже моя.

— Вот именно.

В коридоре слышались шаги. Пристав принёс восемь свитков на деревянной тележке. Колёса прогнулись под их весом. Он остановил тележку у двери и положил первый свиток на стол.

— Материалы обвинения перед первым слушанием.

Ли развернула край. Печать Железной Лисы нагрела бумагу. В заголовке стояло имя Юнь-Су. Ниже Трибунал требовал признать, что существо демонической природы не обладало способностью дать действительное согласие, а пото-

му его освобождение было незаконным.

Глеб прочёл формулировку дважды. Суд собирался начать с простого вопроса: имела ли Юнь-Су право сама решить, кем ей быть.

На последней строке стоял подготовленный ответ:

«Демон, неспособный к согласию».

Глава 8. Первое возражение

Второй удар прозвучал, когда Ли входила в главный зал Небесного трибунала. Каменный пол дрогнул, восемь свитков на столе защиты раскрылись на одну ладонь, и полосы письма потянулись к пустым креслам коллегии.

Глеб сидел за серебряной чертой. После ночной попытки выйти из Зала он двигался медленно. Под повязкой на предплечье проступала кровь, а сломанное ребро не позволяло опереться на спинку. Писцы видели его стол и железный обруч, но самого Глеба замечали лишь после того, как Ли называла его имя.

Она сделала это до начала заседания.

— Глеб Воронец присутствует. Он слышит обвинение и сохраняет право давать пояснения через защиту.

Обруч щёлкнул. Несколько зрителей в боковых рядах повернули головы. Там сидели представители ведомств и дворов, чьи печати когда-то разрушили Глеб и Ли. Их пригласили как свидетелей порядка, хотя большинство пришло посмотреть, как этот порядок вернёт прежнюю силу.

Над местами делегаций висели дощечки с названиями прежних владений. Ни одна не называла спасённых по имени. Людей заменяли словами «носитель», «образец» и «имущество». Ли заметила, что возле каждой дощечки лежит пустая чашка для крови. Трибунал приготовился проверять не

рассказы, а тела.

Шэнь Цан стоял перед девятью креслами. Он коснулся доски обвинения, и над ней возникла фигура человека с опущенной головой.

— Обвинение не сводится к разрушению восьми печатей. Подсудимый отменял признанные категории.

На фигуре появилась метка жертвы и раскололась. Затем доска показала наследника, получившего власть над чужой кровью. Над третьей прорезью возник звериный силуэт Юнь-Су с записью «демон». Следом появилось оружие, сохранившее человеческое имя, а рядом — память умершего правителя, лишённая власти над живым носителем. Последние прорези удерживали будущего преступника, обязательный перевод и солдата, чьё тело должно было служить после смерти.

Шэнь говорил не о спасённых людях, а о нарушенной непрерывности решений. По его версии, жертва получила право отказаться от назначенной цены, демон потребовал личного согласия, а оружие перестало подчиняться владельцу. Предсказанный преступник получил время изменить поступок. Перевод перестал быть единственным. Солдат вышел из приказа, рассчитанного дольше его жизни.

— Вы говорите так, будто способность возразить разрушает мир, — сказала Ли.

— Она разрушает непрерывность решения.

— Решение, которое держится только на невозможности

отказа, уже сломано.

Первое кресло повернулось к ней. На спинке появилась старая строка: «Непрерывность порядка выше частного несогласия».

Ли заявила, что именно это положение и оспаривает защита. Старший регистратор внёс возражение, но рядом отметил: защитник использует понятие человека без подтверждённого статуса обвиняемого.

Шэнь передвинул чёрную косточку и предложил более узкий путь. Защита могла признать Глеба искусственно созданным сосудом, который стал полезен Канцелярии. Его способность входить в несовместимые печати позволяла сохранить редкий инструмент вместо уничтожения. Тогда временный статус не-лица отменялся, а восемь дел сводились к допустимому использованию Глеба.

Глеб поднял взгляд.

— Спроси, кому меня выдадут после сохранения.

Писцы не отреагировали, и Ли повторила вопрос.

— Коллегия определит владельца после проверки, — ответил Шэнь.

— Значит, вы предлагаете признать его ценной собственностью.

— Это защита от более тяжёлого вывода.

Ли посмотрела на Глеба. Быстрый путь возвращал ему право говорить и не требовал полной памяти. Для этого достаточно было согласиться, что его ценность выше его воли.

— Защита отказывается.

Отказ отозвался в её правой руке. Пальцы свело, хотя Ли не касалась ни свитка, ни судейского кресла. Зал словно напоминал, что мог вернуть ей движение за один иной ответ. Она дождалась, пока судорога ослабнет, и только после этого положила ладонь на край стола. Глеб видел цену, но не отвёл взгляда. Раньше он уже отказался выжить на правах вещи.

В боковых рядах зашептались. Один чиновник уронил кисть, потому что считал дело решённым.

— Причина должна быть внесена в протокол, — сказал Шэнь.

— Личность нельзя основывать на исключительной полезности. Иначе право жить сохраняется только до тех пор, пока человек нужен владельцу.

— Вы рискуете статусом обвиняемого ради общего правила.

— Обвинение уже сделало общим каждое его действие.

Глеб медленно выпрямился. Боль от ребра отразилась на лице, но он не попросил вернуть предложение. Ли потребовала сначала установить, имеет ли суд право владеть теми, кого сам называет категориями.

Три кресла повернулись к ней. На одном возник вопрос: «Кто признаётся участником?»

Шэнь снял печать с первого свитка. В центре зала появилась железная цепь. Её дальний конец уходил под каменные плиты.

— Первое дело касается Юнь-Су. Согласно Мандату, демон не способен заключить добровольный договор с человеком. Его согласие признаётся обманом природы.

Ли потребовала вызвать саму Юнь-Су. Шэнь ответил, что существо не допускается к свидетельству о собственной природе. Тогда Ли указала: обвинение приняло решение до слушания.

Девятое кресло повернулось к серебряной двери. Цепь натянулась. Из-за створки донёсся удар, затем когти скользнули по камню.

Двое приставов ввели Юнь-Су. На её шее лежал железный ошейник, цепь проходила через отверстие в полу. Она сохраняла человеческий облик, но на скулах проступила рыжая шерсть. Один глаз оставался золотым, второй почернел от действия печати.

Юнь-Су посмотрела на Ли.

— В прошлый раз ваш монастырь хотя бы кормил перед допросом.

— Это не мой монастырь.

— Все места с цепями быстро становятся похожи.

Пристав потянул звено. Юнь-Су оскалилась, но сама дошла до свидетельского места. Шэнь объявил, что её доставили для осмотра, а не для речи.

Юнь-Су знала цену отказа. Цепь могла оторвать ей голову или продлить мучения, но решение всё равно оставалось за ней.

Одно кресло потребовало прекратить опрос.

Ли подняла бирку защитника.

— Заявляю первое возражение. Существо, способное понять условие, отказаться и принять последствие, имеет право быть услышанным независимо от официального вида.

Старший регистратор отказался записывать формулу: её не было в действующем своде.

— Тогда внесите её как основание нового решения.

— Защитник не создаёт правило.

— Защитник показывает коллегии то, чего старое правило не учитывает.

Шэнь проверил знак на цепи. По его словам, такой критерий допускал голос опасным существам. Ли возразила: опасность проверяется после ответа, иначе достаточно назвать любого демоном, чтобы лишить его речи.

Глеб коснулся обруча.

— Добавь, что она умеет отказываться лучше половины чиновников.

Ли не повторила, но Юнь-Су услышала.

— Русский всё ещё жив?

— Суд рассматривает этот вопрос.

— Пусть не торопится. Ему это обычно вредно.

На доске возникли три условия: понимание, отказ и цена. Первое кресло отвергло формулу. Второе потребовало человеческой крови. Третье показало прежний приговор, где разумное оружие получило ограниченный голос, потому что

могло отказаться от приказа владельца.

Ли указала на эту строку. Если Мандат признавал способность отказа у нечеловеческого носителя, Юнь-Су нельзя было лишать речи только из-за вида. Регистратор возразил, что демон соблюдает договор ради выгоды.

— Человек тоже может искать выгоду. Это не отменяет согласия.

Юнь-Су показала клык.

— Запишите. Я впервые полностью согласна с человеком в суде.

— Ваш голос ещё не допущен, — сказал регистратор.

— Тогда это было очень ясное рычание.

В рядах зрителей рассмеялись, но приставы быстро вернули тишину.

Ли потребовала проверить отказ действием и положила перед Юнь-Су чистую дощечку.

— Вы согласны отвечать на вопросы Трибунала?

— Нет.

Цепь натянулась. Звено раскалилось, ошейник рассёк кожу. Кровь стекла на ворот, но Юнь-Су не изменила ответ.

На дощечке возникло: «Отказ понят и принят носителем цены».

Три кресла повернулись к свидетельскому месту.

— Вы согласны отвечать на вопросы защиты в пределах одного заседания? — спросила Ли.

Юнь-Су посмотрела на Глеба.

— Согласна. Но глупый вопрос назову глупым.

Дощечка приняла условие, и ошейник ослаб. Шэнь допустил её голос на одно заседание, не признавая общего статуса вида. По требованию Ли в протокол внесли, что право возникло из понимания, возможности отказа и принятого последствия.

Первое возражение приняли частично.

Судейское кресло Ли выдвинулось из тени. Она не коснулась его и потребовала рассматривать восемь дел отдельно. Обвинение не могло свести разные решения к одному свойству сосуда.

— Защита готова принять проверку последствий? — спросил Шэнь.

— В пределах каждого дела.

— Последствия будут восстановлены физически.

На полу появились восемь кругов. В первом лежало железное звено. В других проступили знаки прежних печатей. Каждый круг связывался с именами живых свидетелей за стенами Зала.

Шэнь объяснил, что реконструкция вернёт печать к спорному моменту. Свидетели испытают действие правила в пределах отсрочки. Глеб поднялся, несмотря на боль.

— Вы снова раните их, чтобы проверить, правильно ли мы остановили рану?

Ли повторила вопрос для протокола. Шэнь ответил, что без физической проверки Мандаты не изменят собственную

историю.

Юнь-Су тронула окровавленную шею.

— Цепь должна доказать им, что цепь существует.

Ли понимала цену. Восемь слушаний давали время, но каждое возвращало опасность людям, уже заплатившим за прежние решения. Отказ оставлял подготовленный приговор о Глебе и лишал Юнь-Су голоса после этого утра.

— Защита принимает восемь отдельных проверок с условием немедленной остановки после доказанного вреда, который не относится к вопросу дела.

Пятое кресло приняло условие. Два других добавили, что вред носителю цены относится к проверке. Ли заявила новое возражение и потребовала отметить: согласие защиты не распространяется на заранее неизвестное последствие.

Девять кресел повернулись к центральному кругу. Коллегия отклонила немедленный приговор и назначила по одному судебному дню на каждую группу доказательств. Девятый день оставили за решением.

Серебряная черта перед Глебом стала ниже, и он впервые смог обратиться к Юнь-Су без повторения Ли.

— Ты можешь отказаться в любой момент.

— Могу. Суд уже показал цену.

Ли сказала Глебу, что они получили восемь дней.

— И восемь способов ранить людей, — ответил он.

— Будем останавливать реконструкции раньше, чем Зал завершит старую версию.

— Мне не нравится часть, где мы должны успеть.

Шэнь поднял руку. Приставы закрепили цепь Юнь-Су на свидетельском месте. Первое звено изменило форму. Запись о добровольном договоре исчезла, а вместо неё появился приказ: «Демон обязан служить владельцу печати».

— Я этого не принимала, — сказала Юнь-Су.

— Реконструкция возвращает исходную квалификацию,
— ответил Шэнь.

Цепь рванула её вниз. Юнь-Су упала на колено, когти рассекли камень. Под полом сработал старый механизм. Плиты разошлись вокруг центрального круга, и из провала поднялся холодный воздух.

Внизу открылась первая камера монастыря железных лис. На стене горела Печать Железной Лисы, а цепь тянула Юнь-Су к ступеням.

Часть II. Свидетели прежних книг

Глава 9. Лиса под присягой

Цепь потянула Юнь-Су к открытой камере, но она упёрлась когтями в край плиты. Железный ошейник резал шею, а приказ на звеньях требовал спуститься и занять место существа, лишённого собственной воли.

Юнь-Су ослабила натяжение и шагнула сама. Звенья остыли. Печать Железной Лисы приняла выбранное движение за исполнение приказа.

— Запишите: я пошла сама. Цепь опять приписала себе лишнее.

Ли повторила требование. Регистратор вывел на дощечке: «Свидетель подчинился без принуждения».

— Уже врёте.

Шэнь Цан ответил, что запись отражает наблюдаемое действие. Юнь-Су посмотрела на него и решила не тратить первый спор на человека, для которого движение в нужную сторону означало покорность.

Камера поднялась до уровня пола. За решёткой проступил монастырский двор прошлых лет. Служители в серых одеждах несли клетку. Внутри металась молодая лисица с обожжённой мордой. Запись не имела запаха живого тела,

но старое железо пахло так же, как тогда. Юнь-Су заставила себя смотреть на клетку. Суд охотно принимал отвращение за признание вины, а страх — за природную покорность. Сегодня она не собиралась отдавать ему ни того, ни другого.

На свидетельском месте лежала дощечка для присяги. Реестр требовал человеческое имя и обещание говорить правду перед человеческим судом.

Юнь-Су велела убрать дощечку: её имя было известно. Старший регистратор возразил, что оно не относится к признанному человеческому роду. Это замечание лишь подтвердило её мысль. Она тоже не относилась к нему и не собиралась исправлять себя ради удобства реестра.

На дереве появилось имя «Юнь Сю». Юнь-Су стёрла его когтем. Следом реестр предложил «госпожа Юнь». Этот вариант тоже исчез.

— Я Юнь-Су. Род суду не называю. Вы любите превращать родство в долг.

Дощечка почернела, отказываясь принять присягу. Ли подняла бирку защитника и напомнила, что право голоса выведено из понимания условия, способности отказаться и принятой цены. Если это правило действует на заседании, имя должно принадлежать самой свидетельнице.

Одно кресло повернулось. На спинке появилась строка: «Имя подтверждается устойчивым откликом носителя».

Регистратор назвал Юнь-Су двумя человеческими именами. Она не ответила. Когда Ли произнесла её настоящее имя,

цепь дрогнула, а золотой глаз вернул обычный блеск.

Регистратор признал поведенческий отклик. Юнь-Су потребовала записать имя без добавлений, которые делали её удобнее для человеческого уха.

Имя появилось в нужной форме. Родовая строка осталась пустой, но присяга открылась. Юнь-Су согласилась говорить то, что помнила сама, и отдельно исправлять ошибки протокола. Формула не понравилась писцам, зато после недолгого спора была принята с отметкой о возражении.

От дощечки вышла железная нить и связала её слова с судебной записью.

Шэнь открыл первый свиток. В камере возникла сцена давнего договора. Молодая Юнь-Су стояла перед Глебом и Ли. Перед ней лежало условие: помощь в освобождении пленённых лис в обмен на удержание нижнего существа, способного пройти через разрушенную Печать.

Шэнь спросил, понимала ли она договор и могла ли отказаться.

— Понимала и могла.

— Почему согласились?

— Нижнее существо сначала съело бы освобождённых лис. Потом дошло бы до людей. Мне это не подходило.

Он потребовал назвать условия точнее. Юнь-Су объяснила, что удерживает проход, пока живы свидетели договора и сохраняется угроза. Глеб и Ли не становились её владельцами. После смены свидетеля она могла заново принять дого-

вор или отказаться.

Регистратор записал, что отказ ограничен опасностью последствий.

— Исправьте, — сказала Юнь-Су. — Последствие не запрещает выбор. Оно делает выбор тяжёлым.

Ли поддержала её. Строку изменили, хотя рядом оставили помету «спорно».

Второй свиток открыл другую часть монастырского двора. На снегу лежал слуга с разорванной грудью. Рядом освобождённая лисица пыталась вырвать дверь из петель.

Юнь-Су помнила тот день. После разрушения части клеток несколько лис напали на людей. Среди погибших были слуги, которые носили пищу пленникам и не участвовали в пытках.

Шэнь установил, что люди погибли после освобождения лис. Юнь-Су подтвердила это без оговорок. Двоих убили освобождённые пленницы. Одну нападавшую она остановила на месте, вторую нашла позднее.

Ли приготовилась возразить, но Юнь-Су подняла ладонь. Она не собиралась изображать освобождённых невинными только потому, что суду было удобно поймать её на лжи.

— Свобода не сделала нас добрыми, — сказала она. — Я такого не обещала.

Шэнь указал на погибшего и объявил монастырь защитой от реальной угрозы.

— Монастырь создавал эту угрозу. Лис держали в клет-

ках, ломали волю и заставляли охранять мучителей. После освобождения часть напала на любого человека рядом. Это не оправдывает убийство. Рабство тоже не оправдывает.

Шэнь спросил, кто должен отвечать перед семьёй погибшего.

— Убийца, если жива. Те, кто выпустил её и не удержал, если вина доказана. Но не все лисы, которые рождаются после неё.

Кресло потребовало уточнить ответственность Глеба. Юнь-Су признала: он знал о риске и всё равно разрушил часть печати. Решение спасло пленников и открыло путь нападению. Оба следствия были настоящими.

Глеб за серебряной чертой не отвёл взгляда. Ли тоже не просила смягчить ответ. Это удивило Юнь-Су. Наследница виновного клана позволяла свидетельнице быть неудобной даже тогда, когда неудобство вредило защите.

— Вы могли назвать всех погибших мучителями, — сказал Шэнь.

— Могла. Тогда вы нашли бы архивную запись и долго радовались собственной проницательности.

В боковых рядах рассмеялись. Юнь-Су повернулась к коллегии и потребовала различать ответственность за конкретное убийство и обязанность целого вида. Два кресла приняли формулировку. Железное оставило спор открытым.

Третье кресло вызвало поздний свод. Из монастырской записи вышел фрагмент настоятеля Ши Гуаня. Это не был

человек. Запись сохранила походку, голос и привычку поправлять рукав перед приказом. Вместо лица оставалась гладкая поверхность с печатью у рта.

— Лисы подчиняются старшей по договору, — произнёс фрагмент. — Старшая удерживает нижнее существо. Следовательно, её потомки обязаны наследовать удержание.

— Я не соглашалась за потомков.

— Частный выбор главы рода создаёт обычай рода.

— Я не глава всех лис.

— Ваше поведение признано образцом.

Поздний свод раскрылся. В нём решение Юнь-Су превратилось в новое правило: лиса демонической природы считалась рождённой для удержания нижних существ. Отказ объявлялся порчей.

Ли потребовала показать подпись. Внизу стоял знак Юнь-Су, перенесённый из первого договора.

— Подпись настоящая, — сказал Шэнь.

— Условие другое, — ответила Ли.

На цепи проступили имена лис, родившихся после заключения договора. Суд считал их обязанными ещё до первого осмысленного слова.

— Мой выбор использовали как клетку, — сказала Юнь-Су. — Только снаружи назвали наследием.

Фрагмент Ши Гуаня показал строку о поколениях, которые повторяли удержание. По его версии, повторение доказывало природное назначение.

Юнь-Су напомнила, что монастырь сначала наказывал за отказ, а затем записал послушание как свойство вида. Стабильность, которой хвастался поздний свод, держалась на угрозе железа.

Шэнь спросил, продолжает ли она удерживать нижнее существо. Юнь-Су ответила утвердительно. Для обвинения это означало добровольное подтверждение общей обязанности.

— Это моё действие, — сказала она. — Только моё.

— Ваш род получает пользу.

— И платит, когда суд растягивает одну подпись на чужую жизнь.

Кресло спросило, почему договор сохранился после смерти первого свидетеля. Юнь-Су объяснила, что условие допускало смену свидетеля. Каждого следующего она принимала сама. Ни один не становился владельцем.

Шэнь посмотрел на Глеба.

— Нынешний свидетель признан не-лицом. Договор действует?

— Пока я признаю его тем же участником.

— На каком основании?

— Он помнит цену, не присваивает утраченное и не отдаёт мой выбор другому. Для договора достаточно.

Глеб сказал из-за черты:

— Наконец-то суд, где меня признала лиса.

— Не радуйся. Я признала тебя пригодным свидетелем, а не разумным человеком.

— Здесь это повышение.

Шэнь прервал обмен и потребовал доказать добровольность удержания действием. Юнь-Су посмотрела на цепь. Лучшим доказательством был отказ, но нижнее существо ждало именно его.

— Я сниму условие на один вдох.

Ли спросила цену.

— Потеряю часть контроля до конца процесса. Нижнее существо почувствует слабое место. Возможно, придётся удерживать его телом.

— Другой способ есть?

— Суд не поверит словам, пока пол не прогнётся.

Ли потребовала внести оговорку: отказ не распространяется на потомков и не подтверждает природную обязанность. После записи Юнь-Су подняла цепь обеими руками.

— Я отзываю удерживающее условие на один вдох. По собственной воле. После этого решу заново, принимать ли его.

Она сняла первое звено с ошейника.

Нижнее существо ударило снизу. Пол прогнулся. В щелях выступила чёрная влага, пахнущая железом и гнилыми корнями. Зрители вскочили. Один чиновник побежал к двери, но серебряная черта вернула его на место.

Давление вошло в тело Юнь-Су. Позвоночник выгнулся, золотой глаз потемнел. Она могла замкнуть цепь сразу, однако выдержала полный вдох. Коллегия должна была увидеть

промежуток между отказом и новым решением.

— Юнь-Су, условие понимаешь? — спросила Ли.

— Да.

— Цену видишь?

— Лучше вас.

— Решение?

Юнь-Су сама надела звено.

— Принимаю удержание до появления нового свидетеля, способного слышать обе стороны. После его смены сохраняю право отказаться снова.

Цепь замкнулась. Пол выпрямился не полностью. Под плитами продолжало двигаться тяжёлое тело. Левая нога Юнь-Су перестала слушаться, и она опустилась на свидетельское место, не позволяя приставу поддержать себя.

На дощечке появились три записи. Первая подтверждала возможность отказа. Вторая признавала новое согласие отдельным действием. Третья запрещала переносить его на потомков без их личного решения.

Ли потребовала закрепить формулировки. Два кресла приняли их. Железное кресло оставило спор об обязанности открытым, но прежний приговор уже не мог вернуться целиком.

— Проверка добровольности завершена, — сказал Шэнь.

— Завершена проверка моего выбора. За остальных спрашивайте их самих.

Юнь-Су посмотрела на Ли. Та встретила взгляд без преж-

ней настороженности. Юнь-Су всё ещё видела в ней наследницу опасного клана, но теперь знала: Ли позволяла свидетелю остаться собой, даже если правда мешала защите.

Регистратор передал Шэню итоговый протокол. Глеб попросил прочитать главную строку вслух. Писцы не заметили его просьбу, пока Ли не повторила.

Шэнь развернул лист.

— «Юнь-Су добровольно подтвердила обязанность удерживать нижнее существо и признала необходимость продолжения договора».

Когти Юнь-Су вошли в стол.

— Я подтвердила свой выбор и право отказаться снова.

— Это отражено в приложении, — ответил регистратор.

Глеб указал на главную запись.

— Она превращает выбор в обязанность.

Ли потребовала исправления. Кресла не ответили. Протокол соединился со свитком, и слова Юнь-Су начали менять реконструкцию. В монастырском дворе её молодая версия преклонила колено перед Ши Гуанем, хотя такого никогда не было.

Юнь-Су рванула цепь, но левая нога не удержала её. Глеб первым назвал происходящее:

— Сам протокол меняет смысл показаний.

На нижнем краю листа проступила окончательная формула: «Добровольное подтверждение обязанности».

Глава 10. Камера официальной памяти

Протокол ещё не успел остыть, когда первая камера закрылась вокруг Глеба. Каменный круг отрезал Юнь-Су от кресел, а Ли оставил за прозрачной границей. Её голос проходил внутрь, рука — нет.

На стене проступала новая версия: молодая Юнь-Су стояла на коленях перед Ши Гуанем и принимала наследственную обязанность. Глеб помнил иначе, но не весь разговор. В споре словами Зал использовал бы каждый пробел.

Он снял с пояса рыночную верёвку и завязал четыре узла: для Юнь-Су, себя, Ли и записи настоящего. Свободный конец оставил на случай участника, которого официальный рассказ не заметил.

Верёвка была обычной и лишь сохраняла расстояние между узлами. Камера могла показать знакомое лицо, однако не могла незаметно сдвинуть её в руке Глеба.

— Верёвка стала доказательством? — спросила Юнь-Су.

— Пока только помогает не перепутать тебя с настоящим.

— У него была хуже причёска.

— Значит, один признак уже есть.

Ли приложила к границе медную бирку защитника.

— Камера признаёт участника по полной памяти. Не называй лицо, пока не проверишь.

— Я и знакомых по утрам не сразу называю.

— Здесь неверное имя создаст подтверждённого двойника.

Первый узел Глеб направил к Юнь-Су, второй прижал к обручу. Третий оставил со стороны Ли, четвёртый привязал к решётке перед фрагментом Ши Гуаня.

Камера раскрыла дверь в монастырский коридор. По обеим сторонам появились одинаковые лица служителей. Каждый смотрел на Глеба так, будто ждал, что его узнают.

— Назовите старшего послушника, — потребовал голос из стены.

Глеб видел мужчину с ожогом на подбородке. В памяти возникло имя и сразу распалось. Оно могло принадлежать другому служителю.

— Не знаю.

Лицо служителя осталось одним.

— Назовите погибшего у северной клетки.

— Не помню имени.

Второе лицо тоже не размножилось. На стене рядом появилась короткая запись: «Лицо оставлено без подтверждения». Глеб предпочёл такую пустоту убедительному двойнику. Имя можно было проверить позже, а созданного ошибкой человека пришлось бы опровергать уже как участника дела.

Шэнь Цан наблюдал из зала коллегии. Он говорил спокой-

но, не повышая голоса:

— Отказ от узнавания снижает достоверность свидетеля.

— Зато не создаёт лишних людей, — ответил Глеб.

Он пошёл по коридору, считая двери и проверяя следы. Камера подсовывала готовые имена, но Глеб их не принимал. Двух одинаковых служителей он различил по сапогам: один сильнее стирал внешний край подошвы. Запись повторяла лицо, но путалась в походке.

Юнь-Су пошла следом, прихрамывая.

— Ты всегда так узнаёшь людей?

— Обычно люди не стараются стать одинаковыми.

— В монастыре старались.

— Поэтому я здесь без меча и с верёвкой.

За поворотом стояли приставы памяти в личинах из старых писем. На одной Глеб узнал почерк Саввы, но смысл уходил под складку.

Первый пристав протянул ладонь.

— Признайте итоговый протокол. Камера вернёт утраченный эпизод договора.

— Какой именно?

— Тот, который подтверждает обязанность Юнь-Су.

— Удобная память.

— Официальная память не противоречит действующему решению.

— Поэтому вы сначала пишете решение.

Пристав раскрыл личину. За бумагой возник заснежен-

ный двор, где двойник Глеба говорил Юнь-Су: «Ты обязана удерживать существо, пока существует твой род». Голос совпадал, но рука лежала на мече, которого в тот день не было.

Глеб посмотрел на пояс фигуры. Пустые ножны висели с правой стороны. Тогда он носил оружие слева.

— Память собрана плохо.

— Вы не способны подтвердить сторону ношения оружия,
— сказал пристав.

— Способен. Старый шрам на левом бедре мешает ножнам.

Он развернул реконструированную фигуру за плечо. Под одеждой шрама не оказалось. Двор дрогнул и рассыпался.

Второй пристав подошёл ближе.

— Признание протокола вернёт имена погибших товарищей.

Глеб замер. Несколько погибших лиц больше не связывались с именами. Возвращение позволило бы вписать их в поминальную книгу. На миг он увидел свободные места у походного костра и вспомнил, как считал кружки после боя, не понимая, чья осталась лишней. Суд предлагал закрыть эти пустоты, но только именами, которые не мешали его решению.

— Все имена? — спросил он.

— Все, совместимые с решением.

— Значит, тех, кто не вписался, вы снова потеряете.

Пристав не ответил. Этого хватило.

Глеб набросил петлю на стойку над проходом. Приставы двинулись вместе. Первый коснулся его виска, вкладывая официальный эпизод прямо в память.

Глеб дёрнул верёвку. Стойка треснула, решётка разделила коридор и прижала одного пристава к стене. Второй прошёл сквозь прутья, теряя письма из личины. Каждое упавшее письмо открывало чужую сцену, и пол становился то монастырским, то лагерным. Глеб держался у настоящей стены, проверяя её плечом после каждого шага.

Юнь-Су ударила цепью по камню перед ним.

— Ещё шаг — и я проверю, помнит ли бумага огонь.

— Свидетель не имеет права вмешиваться, — произнёс пристав.

— Тогда запишите, что цепь упала сама. Ваши писцы умеют.

Пристав повернулся к Глебу и назвал его именем погибшего дружинника. Камера приняла ошибку. Рядом появился двойник с лицом Глеба, но чужим шрамом над бровью.

Двойник схватил Юнь-Су за цепь. Глеб наступил на свободный конец, заставил копию перенести вес и ударил плечом в треснувший столб. Съехавшая плита прижала двойнику ногу.

Глеб обмотал верёвку вокруг локтя второго пристава и рванул к стене. Личина ударилась о выступ и выпустила чужие воспоминания.

Голоса называли Юнь-Су служанкой рода и утверждали,

что она сама просила вечную цепь. Среди них плакал ребёнок, повторявший чужой приказ.

Глеб закрыл лицо предплечьем и пошёл к опоре. Пристав ударил ребром бумажной пластины по его ладони. Порез прошёл через чёрную метку. Кровь потемнела и потянулась к стене, пытаясь вписать его в официальный эпизод. На камне появился силуэт коленопреклонённого Глеба. Он наступил на собственную кровавую линию и размазал позу до того, как камера закрепила её.

Он зажал рану верёвкой. Узлы стали скользкими, но остались различимы на ощупь.

— Глеб, назад! — крикнула Ли.

— Тогда слова закрепятся.

— Рука отмечена. Камера присвоит кровь.

— Пусть сначала догонит.

Он толкнул перекошенную опору. Сломанное ребро обожгло болью, зато балка рухнула и заперла приставов между рамами, не нанеся раны, которую можно перенести.

Глеб пошёл дальше, считая узлы. Цепь Юнь-Су оставляла на камне царапину. Реконструкция стирала её, но металл снова резал пол.

В конце коридора была стена с человеческим силуэтом. Камень облегал лицо, грудь и прижатые к телу руки. Человек будто оказался внутри кладки в тот миг, когда она затвердела.

Глеб коснулся свободного конца верёвки. Четыре участ-

ника были учтены, но перед ним находился пятый.

— Кто это? — спросил он.

Ли развернула обвинительный свиток за границей.

— В списке служителей такого нет.

— В защите?

— Тоже.

Юнь-Су приблизилась и втянула воздух.

— Запись старая. Он умер до нашего прихода.

На груди силуэта висела половина деревянной бирки. Имя срезали вместе с краем. Сохранилась должность: младший послушник при камере смены лиц. У его правой руки в камне застряла костяная палочка для счёта передач. На ней было на одну зарубку больше, чем в монастырском журнале. Последнего носителя не внесли даже числом.

Под ладонью Глеба шевельнулась слабая запись. Послушник принимал чужие имена при смене личностей. Одна передача сорвалась: старое имя забрали, новое досталось другому. Тело без записи замуровали в стене.

— Суд пропустил собственную жертву, — сказала Ли.

— Он не связан с освобождением лис, — ответил Шэнь.

— Его гибель предшествовала действиям обвиняемого.

— Зато связана с правилом, которое вы защищаете, — возразил Глеб.

Писцы не слышали его, пока Ли не повторила.

Шэнь признал связь с печатью, но предупредил: новая смерть расширит дело. Защите придётся отвечать и за разру-

шение монастыря без полной проверки скрытых носителей.

Юнь-Су посмотрела на Глеба.

— Можешь оставить его здесь. Для вашей защиты так чище.

— Он уже остался здесь один раз.

Ли не стала убеждать его выбрать удобный путь.

— Я внесу его как пропущенного носителя цены, — сказала она. — Но ответственность за неполную проверку тоже войдёт в дело.

— Внеси.

Глеб завязал пятый узел вокруг запястья послушника. Стена перестала считать его кладкой, и камень осыпался с высохшего тела.

Бирка на груди повернулась. Имени по-прежнему не было.

Приставы памяти выбрались из-под рам. Один предложил восстановить имя послушника по позднему реестру. Глеб отказался.

— Сначала вынесем то, что осталось. Потом проверим записи.

— Без имени он не может быть допущен как лицо.

— Тогда как тело. Ваш суд это умеет.

Юнь-Су посмотрела на протокол. Её молодая версия всё ещё стояла на коленях. Если камера закроется, поза станет официальным фактом.

— Повтори условие, — сказал Глеб.

— Слова уже переписали.

— Мне нужны действия.

Юнь-Су поднялась на больной ноге, сняла первое звено и уронила цепь. Перед ней открылся выход.

— Я могла уйти, — сказала она.

Глеб не повторил фразу. Он передвинул первый узел к открытому проходу.

Юнь-Су шагнула наружу. Приставы не остановили её: реконструкция допустила отказ. Нижнее существо ударило снизу, прогибая камень.

Она обернулась. Цепь лежала на полу, путь оставался свободным.

Юнь-Су вернулась, подняла звено и сама замкнула его на ошейнике.

— Я приняла удержание до смены свидетеля. Право отказаться сохраняется.

Глеб вернул к ней первый узел, положил рядом звено и отметил следы у выхода. Он не толковал поступок. Камера получила порядок действий: Юнь-Су сняла цепь, вышла, вернулась и закрепила новое условие.

Стена переставила следы. Юнь-Су снова провела цепью по прежнему пути, а Глеб прижал раненую ладонь к последнему отпечатку. След закрепился как наблюдаемое действие.

— Ты портишь руку ради царапины? — спросила Юнь-Су.

— Ради порядка шагов.

— Люди странно выбирают важное.

— Лисы тоже.

Камера дрогнула. Молодая Юнь-Су поднялась с колен. Протокол сохранил спорную формулировку, но добавил: «Свидетель совершил отказ и отдельное повторное принятие условия».

Ли прижала бирку к границе.

— Достаточно. Выходите.

Глеб поднял тело на плечо, а Юнь-Су подхватила ноги, удерживая цепь другой рукой.

— Вот теперь мы похожи на достойных свидетелей, — сказала она. — Хромая лиса, раненый мертвец и человек, которого суд считает предметом.

— Мертвец не раненый.

— Не портить хорошую формулировку.

У границы камера потянула тело назад, но пятый узел прошёл первым. Реестр признал новое доказательство, и поверхность раскрылась.

Ли приняла у Глеба верёвку и увидела кровь на ладони.

— Рана глубокая.

— Зато слова не вынес.

— Именно это я и вижу.

Шэнь велел открыть поздние реестры. Через сорок лет после гибели послушника его имя принадлежало сборщику податей на южной границе.

Второй реестр был составлен раньше рождения этого

сборщика. Тем же именем называли женщину, умершую в степном поселении.

Третья запись относилась к русским землям и другому веку. Имя стояло у дружинника, пропавшего при зимнем переходе.

Писцы положили книги рядом. Черты совпали, а половина бирки сама дописала недостающую часть.

Суд не просто стёр имя погибшего. Он использовал его снова для людей без собственной непрерывности. Каждая поздняя запись получала готовое прошлое, а настоящий носитель оставался в стене без права на собственную смерть.

На бирке проступило полное имя, и одновременно оно появилось в трёх поздних реестрах людей, которые никогда не могли встретиться.

Глава 11. Кузнец мира

Третий судебный день начался с удара молота. Каменный пол главного зала раскололся по старым швам, из щелей поднялся жар, а девять кресел отъехали к стенам. На месте коллегии выросла площадка Алтайской кузницы: горны, меха и длинный стол, на котором лежали семь незавершённых линий Печати Семи Клинков.

Ли почувствовала их правой рукой. Под перевязью пальцы сжались, хотя до металла было несколько шагов. Каждая линия искала владельца, а разделённая сила не могла собраться без общего приказа.

Глеб стоял за серебряной чертой. Порез на ладони после камеры памяти был перевязан, сломанное ребро мешало ему расправить плечи. Он посмотрел на кузницу.

— В прошлый раз здесь было меньше кресел.

— В прошлый раз кресла хотя бы притворялись людьми.

У центрального горна ждал Бай Тешань. В реконструкции он выглядел старше, чем при их последней встрече. Седина дошла до висков, левую щёку пересекал ожог. Рядом стояли представители прежних владельцев клинков. Каждый держал пустые ножны.

Шэнь Цан открыл заседание. Второе дело касалось уничтожения схемы единого оружия, способного соединить семь клинков и Белый Порох.

— Защита утверждает, что разрушение схемы предотвратило монополию, — сказал он. — Бай Тешань утверждает, что монополия могла остановить войны.

— Я утверждаю меньше, — произнёс кузнец. — В трёх войнах она сократила бы число погибших.

Он опустил молот на медную пластину. Площадка раздвинулась, и перед залом появилась крепость у зимнего перевала. Во дворе горел склад, защитникам оставалось два дня до конца зерна.

Бай положил на стол счётные дощечки. Он показал, сколько пороха доставляли вьючные лошади и сколько времени занимала смена обычной пушки. Единая система могла открыть проход в стене до рассвета и закончить осаду.

— Кто осаждал? — спросила Ли.

— Союз трёх степных родов.

— После пролома войско вошло бы в город.

— Да.

— Кто остановил бы грабёж?

Бай снова опустил молот. Картина сменилась. Союзные начальники подписывали приказ: солдат, вошедший через пролом, не имел права покинуть строй до сдачи гарнизона.

— Я встроил удержание строя, — сказал Бай. — Владелец общего управления мог отменить его после победы.

— А если бы не отменил?

— Войско осталось бы под его властью.

Расчёт не лгал: оружие могло закончить осаду, но отдава-

ло всех участников одному командиру.

На следующей пластине появилась переправа через замёрзшую реку. Два отряда шли навстречу друг другу, не зная, что переговоры начались. В обычном исходе столкновение длилось половину дня. Бай показал число погибших.

Единая сила могла выбить оружие из обеих шеренг одним ударом. Для этого требовалось связать семь условий в руке общего владельца.

— Здесь оружие спасло бы людей, — сказала Ли.

— Да.

Она не нашла честного возражения. Пока семь владельцев проверяли бы полномочия друг друга, люди на льду начали бы убивать.

Бай провёл мелом линию через расчёт.

— Вы уничтожили схему. Через год на этой переправе погибли двести восемнадцать человек.

Глеб спросил из-за черты:

— Система была готова через год?

Ответа от писцов не последовало. Ли повторила вопрос для протокола.

— Нет, — ответил Бай. — Но могла быть при двойной доставке меди и полном подчинении кузницы одному владельцу.

— Значит, расчёт требует власти над дорогой и кузницей.

— Любая большая защита требует снабжения.

Ли не могла оспорить его расчёт. Разрозненные князья,

родовые отряды и семь владельцев клинков теряли время на недоверие. Иногда единый приказ спасал больше людей, чем совет. Опасность начиналась после победы, когда временный командир не возвращал чужие руки.

Шэнь велел перейти к вопросу о владельце. На столе поднялись семь линий печати и сошлись над пустой выемкой для ладони.

Первым выступил представитель северного рода. Он потребовал вернуть право его дому, потому что старший клинок принадлежал их предку. Печать приняла родовую кровь, и южные поселения сразу стали поставщиками пороха без права отказаться от налога.

Представитель степного союза предложил выборного военачальника. Печать спросила срок его власти.

— До конца войны, — сказал он.

— Кто определяет конец? — спросила Ли.

— Совет родов.

— А если владелец объявит угрозу продолжающейся?

На карте война не завершилась даже после подписанного мира.

Третий кандидат представлял столичное ведомство и обещал хранить оружие для защиты границ. Одна из линий потребовала назвать границу. Ведомство провело её там, где собирало подати, и люди за чертой стали возможным противником.

Глеб покачал головой.

— У оружия богатый выбор хозяев.

— Каждая кандидатура делает чужой народ постоянным носителем порядка владельца, — сказала Ли.

Шэнь указал на последний раздел реестра.

— Тогда найдите допустимую процедуру смены.

Ли развернула свиток. Там были наследование, временная передача в бою и замена после смерти. Отказа живых участников не существовало. Пока командир сохранял кровь, имя и память, система считала его полномочия непрерывными.

— Здесь нет отзыва.

— Он не был предусмотрен, — ответил Бай.

— Почему?

— Семь условий расходятся при смене руки. В момент передачи оружие бесполезно.

— Ради надёжности вы убрали возможность отстранить владельца.

— Я не убрал. Я не сумел её встроить.

Этот ответ был хуже удобной лжи. Бай видел изъян и всё равно считал оружие необходимым, потому что знал цену промедления.

Ли провела левой рукой над линиями. Последняя команда должна была исходить из одного центра. Пока центр оставался пустым, одна линия запрещала удар без общего врага, другая требовала немедленного применения при угрозе складу. Разногласие завершалось чужим приказом.

— Разделённая сила не обязана иметь вечного хозяина. В

договор можно встроить смену и отзыв.

— Покажите, — ответил Бай.

Шэнь поставил перед ней нефритовую пластину судейского допуска.

— Для проверки требуется удержать семь условий одновременно. Левая рука не успеет замкнуть линии до распада.

Глеб посмотрел на пластину.

— Цена известна?

Серебряная черта пропустила голос, потому что вопрос касался доказательства. Ли знала общий ответ: временное восстановление брало силу из реестра непризнанных просителей. Но она ещё не знала, как долг распределялся при семи линиях.

— Источник тот же, что в прошлом предложении. Я прекращу проверку при первом новом последствии.

— Это не полный ответ.

— Я сообщу результат до решения.

Она понимала, что нарушает их правило, и всё же положила правую ладонь на нефрит.

Пальцы ожили сразу. Боль исчезла, запястье повернулось свободно. Ли коснулась первой линии указательным пальцем. Остальные легли под ладонь, словно рука годами училась именно этому движению.

Алтайская кузница ответила гулом. В семи горнах вспыхнул огонь, Белый Порох в закрытых сосудах поднялся к горлышкам.

Первый чужой долг вошёл в сустав командой закрепить старшую кровь. Второй заставил мизинец прижать линию приказа, потому что раненому солдату когда-то отказали в выходе из строя. Просьба человека, пытавшегося забрать ребёнка из долгового дома, стала требованием удерживать младшего носителя цены.

Ли попыталась ослабить хватку. Пальцы не послушались. Восстановленная рука умела работать, но каждое движение уже несло чужое нерешённое дело.

— Что происходит? — спросил Бай.

— Рука получает команды из реестра.

Шэнь не стал отрицать.

— Судейская функция использует долговую силу обращений, оставшихся без решения.

— Люди просили прекратить вред, а вы превратили их просьбы в силу для нового приказа.

— Просьба создаёт обязательство ответить.

— Пока ответа нет, вы используете её против другого просителя.

Первая линия потянулась к северному роду, вторая выбрала столичное ведомство. Реестр предлагал старейшую действующую власть как общий центр.

Глеб подошёл к серебряной черте.

— Отпусти пластину.

— Мне нужно проверить отзыв.

— Ты уже знаешь цену.

Ли увидела возможную формулу. Право открыть удар можно было отделить от права продолжать приказ. Второй участник мог остановить оружие, третий — подтвердить, что угроза сохраняется. Но линии потребовали решить, чьё слово важнее при споре. В центре возникал единственный голос.

Она попробовала записать срок. Пальцы вывели знак «до устранения угрозы», хотя Ли хотела указать число часов. Ручка исправляла её решение по привычке Канцелярии. Для системы точный срок был слабее неопределённой безопасности.

Ли увидела в этом собственную ошибку. Она тоже любила безупречное правило, которое не оставляло людям времени на глупость. Её правки часто спасали быстрее разговора. Получив семь клинков и достаточно точный расчёт, она сама могла решить, что отзыв подождёт до конца опасности.

Бай смотрел без торжества.

— Теперь видите, почему я оставил одного владельца?

— Вижу.

— Тогда завершите соединение.

Под рукой открылась карта переправы. Двести восемнадцать погибших ещё стояли на льду. Один приказ мог выбить оружие из их рук. Ли оставалось прижать большой палец к последней линии, но тот начал опускаться сам.

Она сорвала ладонь с нефрита.

Боль вернулась так резко, что Ли ударилась коленом о

край стола. Пальцы светло, одна линия обожгла кожу и оставила семь коротких следов. Горны погасли, а Белый Порох осел в сосудах. Ли прижала обожжённую ладонь к груди. На коже оставались семь отметин, и каждая отзывалась отдельным чужим требованием. После разрыва связи просьбы стали далёкими, но она знала, как легко суд превращал чужую нужду в рабочее усилие.

Глеб шагнул к ней, но серебряная черта остановила его.

— Назови цену.

— Рука выполняла долги непризнанных просителей. Их просьбы превращались в команды. Я не знала, что почувствую их так.

— Но знала источник.

— Да.

— И решила сначала проверить.

— Да.

Между ними осталась черта, однако сейчас она была не главным препятствием.

— Мы только вчера договорились.

— Я помню.

— Тогда почему?

Ли посмотрела на семь следов.

— Я хотела получить точный ответ до того, как сведения повлияют на твоё решение.

— Или на твоё?

Она не ответила. Глеб тоже замолчал. Ли повторила цену

для протокола полностью, и Шэнь внёс её без смягчения.

Бай подошёл к столу и спросил, признаёт ли Ли, что его оружие могло спасти людей на переправе.

— Признаю.

— И что разделённое управление не успело бы остановить бой?

— При тех условиях — не успело бы.

— Тогда зачем вы уничтожили схему?

— Потому что ни один расчёт не дал владельцу права командовать бессрочно. Вы создали оружие для одной необходимой победы и оставили после неё вечного хозяина.

— Войны повторяются.

— Значит, владелец всегда сможет назвать следующую.

Бай провёл пальцем по пустой выемке.

— Честный ответ. Но недостаточный. Вы доказали, что моя система опасна после победы. Не доказали, что ваш порядок переживёт нападение до неё.

Он поднял молот и опустил его на центральную линию. Пол кузницы разошёлся. Вокруг участников поднялись кирпичные стены, внутри которых лежали бочки с Белым Порохом. Узкие окна открылись на поле, где к башне двигался отряд под знаками прежних владельцев клинков.

Глеб оказался внутри вместе с Ли и представителями семи сторон. Серебряная черта исчезла, но железный обруч остался на его руке. Над дверью башни появилась запись:

«Разделённое командование должно выдержать нападе-

ние без единого владельца».

Бай Тешань положил молот на наковальню.

— Теперь докажите это физически.

Глава 12. Башня без хозяина

Пока оседала пыль, башня сомкнула стены вокруг порохового ствола. Из кладки вышли семь площадок, соединённых со столом отдельными верёвками.

Над дверью горела запись: «Удержать башню без единого владельца до третьего удара». Глеб посмотрел вверх. Вершина давала обзор на подходы, и привычное решение пришло сразу: взять семь верёвок и командовать самому. Железный обруч нагрелся. Печать приняла очертание готового приказа.

Ли стояла у центрального стола. Семь следов на её правой ладони потемнели.

— Не продолжай мысль, — сказала она.

— Она полезная.

— Поэтому опасная.

Бай Тешань положил молот на край наковальни. Его реконструированный образ оставался внутри башни как свидетель испытания.

— Если он возьмёт все линии, нападение закончится быстрее.

— А проверка закончится вашим хозяином, — ответила Ли.

Северный владелец старшего клинка держал свою верёвку. Степная лучница проверяла западную площадку, а пред-

ставитель столицы изучал пороховой подъём и ждал общего приказа. Глеб отказался от вершины.

— Каждый отвечает только за одно действие, — сказал он. — Измеримое и короткое. Можете отказаться до начала или уйти после выполнения.

— Кто решает, что задача выполнена? — спросил северянин.

— Тот, кому она поручена. Остальные подтверждают уда-
ром по балке.

— Это медленно.

— Да.

— Враг уже у стены.

— Тоже да.

Первый пристав-клинок прыгнул на нижнюю площадку. Лезвие вошло в верёвку южного командира и рассекло половину волокон.

Глеб не успел раздать все задачи. Прорыв начался именно из-за задержки, необходимой для согласования. Он указал северянину на тяжёлую лестницу.

— Не дай ей лечь на площадку. Как сделаешь — решай сам.

Степная лучница получила западный пролёт, столичный инженер — пороховой подъём. Ни одна бочка не должна была подняться выше второго яруса без двух подтверждений. Остальным он показал участки по одному. Пока договаривались, пристав разрезал повреждённую верёвку и взобрался

внутри.

Южный командир встретил его копьём. Лезвие пристава скользнуло по древку, а на бумажной маске появилась строка: «Соседняя площадка отказалась помочь». Северянин сразу повернул голову к югу, хотя до этого следил за лестницей.

— Он трогает не тело, — сказала Ли. — Он усиливает уже возникшее недоверие.

— Тогда не доверяйте словам, — ответил Глеб. — Смотрите на свою верёвку.

Пристав отбросил южного командира к стене. Глеб подцепил крюком лестницу и рванул вниз. Доски ударили нападавшего под колени, а южный командир прижал его копьём к полу.

— Моя площадка удержана, — сказал он.

Глеб один раз простучал балку рукоятью ножа. Соседи повторили. Первый участок получил подтверждение без общего приказа.

Снаружи подкатили вторую лестницу. Северянин сбросил на неё боковой щит. Лестница ушла в сторону, но в стене открылась щель для стрел.

— Задача выполнена, — крикнул северянин.

— Подтверждаю, — ответила степная лучница и ударила по своей балке.

Остальные повторили. Башня приняла завершение и не потребовала хозяина.

Стрела вошла северянину в плечо через открытую щель. Он отступил, зажал рану и остался у площадки.

— Можешь уйти, — сказал Глеб.

— Тогда участок останется пустым.

— Это твоё решение.

— Хороший порядок. Сначала разрешает уйти, потом показывает стену за спиной.

— Другого у меня нет.

Северянин перевязал плечо концом рукава и затянул узел зубами. За стеной уже скребли крюки новой лестницы.

— Тогда пока остаюсь.

Клинки ударили по верёвкам, передавая владельцам желание расширить власть. Столичный инженер решил распорядиться и верхним ярусом.

— Подъём принадлежит столице. Без него ваши площадки бесполезны.

Степная лучница указала на бочки. По обручам уже ползла пороховая пыль.

— Порох не знает столицы.

Инженер потянул соседнюю верёвку. Над ладонью появился знак общего владельца, но Глеб вогнал нож в стол между концами. Дерево раскололось, линии разошлись.

— Твоя задача заканчивается на подъёме.

— Я лучше понимаю снабжение.

— Верю. Поэтому не даю тебе людей.

— Башня падёт из-за вашей осторожности.

— Возможно. Но не станет твоей.

На маске ближайшего клинка возникла мысль инженера: «Если они не слушают, пусть защищаются сами». Инженер бросил верёвку.

— Я отказываюсь.

Он снял знак командования и вышел. Башня действительно позволяла уйти. Ли проводила его взглядом и не остановила.

— Линия подъёма свободна, — сказала она.

— Возьмите её вы, — предложил Бай.

— Тогда испытание закончится.

— Оно закончится и без пороха.

Глеб поднял верёвку подъёма, не обматывая её вокруг руки. Свободный конец сразу потянулся к железному обручу, но он прижал его сапогом.

— Нужен новый командир.

— Пока найдёте, приставы будут наверху, — сказал северянин.

Так и произошло. Боковая створка порохового подъёма открылась, и два клинка вошли на второй ярус. Один перерезал привод, второй толкнул бочку к лестнице. Глеб протянул верёвку раненому южному командиру.

— Сможешь следить за подъёмом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.